

СОКРОВИЩА АЛАНИИ

THE TREASURE OF ALANIA

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Institute of History and Archeology Republic of North Ossetia-Alania

СОКРОВИЩА АЛАНИИ

THE TREASURE OF ALANIA

Научный редактор профессор М. М. Блиев
Scientific Editor Professor M. M. Bliyev

ЭКМО
2011

СОКРОВИЩА АЛАНИИ

THE TREASURE OF ALANIA

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ:

М. М. Блиев
Р. С. Бзаров
Н. И. Гиджрати
С. Б. Дзуцев
З. П. Кадзаева
Р. Ф. Фидаров
Х. Т. Чшиев
Э. Ю. Шестопалова

STAFF OF AUTHORS:

M. M. Bliyev
R. S. Bzarov
N. I. Hidjrati
S. B. Dzutsev
Z. P. Kadzaeva
R. F. Fidarov
H. T. Tshiev
E. Ju. Shestopalova

С 59 **Сокровища Алании.** — М. : Эксмо, 2011. — 240 с. : ил. — (Подарочные издания. Эксклюзив. Иллюстрированные энциклопедии).
УДК 902/904(470.65)
ББК 63.4:63.3(2Рос.Сев)

Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения правообладателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке. Все иллюстрации принадлежат Институту истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания, 2011.
Все права защищены, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие	7	Foreword
История древней и средневековой Алании-Осетии в памятниках археологии	11	Ancient and medieval history of Alania-Ossetia in archeological monuments
Культуры эпохи бронзы	31	Bronze age cultures
Кобанская культура	61	Coban culture
Скифы и сарматы	91	Scythians and sarmatians
Аланы I–V в. в н. э.	123	Alans 1st–5th cc. BC.
Алания VI–XI в. в н. э.	163	Alania 6th–9th cc. BC.
Алания X–XIV в. в н. э.	217	Alania 10th–14th cc. BC.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей, интересующихся отечественной историей, предлагается иллюстрированный альбом «Сокровища древней Алании». Он представляет собой оригинальное научное издание, уникальное для истории Алании-Осетии. В него вошли предметы из богатейших археологических коллекций музея Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания. Все эти вещи древнего и средневекового искусства печатаются впервые. Авторы-составители включили в свое издание лишь небольшую часть коллекции. При всем желании им не удалось поместить в альбом даже комплексы предметов, состоящих из золота и других драгоценных материалов. Приходится сожалеть и о другом: наши археологические коллекции, в том числе вошедшие в альбом артефакты, хранятся в музее Института истории и археологии в состоянии предварительной реставрации. До сих пор из-за недостатка средств они не подверглись профессиональной реставрационной обработке и необходимой консервации.

Доступная для широкого круга читателей публикация древностей, открытых коллективом археологов более чем за тридцать лет неустанной работы, – событие давно ожидаемое. В 70–80-е гг. минувшего столетия экспедицией, а затем Институтом истории и археологии, выполнявшим обширную научную программу археологических изысканий в Северной Осетии, Краснодарском крае и Ростовской области, организована фундаментальная база источников в виде памятников материальной культуры.

FOREWORD

The attention of the readers interested in the Native History is called to the illustrated album «Treasure of Alania». It is an original scientific edition unique for the history of Alania-Ossetia. The album contains exhibits from the plenteous archeological collections of the museum of the Republic of North Ossetia-Alania Institute of History and Archeology. It is for the first time that here the greater part of the objects of Ancient and Medieval art is published. Yet the authors-compilers have included into the present edition only a small part of the collection. No matter how hard they tried it proved impossible to include into the album a sufficient part of the Ancient jewelry art objects of gold and other precious metals.

It is also regrettable that our archeological collection, together with the artifacts included in the album, is kept in the Institute of History and Archeology museum in the state of preliminary restoration. Until now lack of funding does not allow us to accomplish a professional restoration treatment and necessary conservation.

The publication of the Ancient artifacts discovered by the archeological groups during their thirty years tireless work that is giving an access to them for the wide range of readers is an event that was long looked for.

The fundamental collection of the archeological sources was organized in the 70-es – 80-es of the last century, first by the archeological expedition and then by the Institute of History and Archeology, that carried on a vast program of archeological research in North Ossetia, Krasnodar and Rostov Regions. These sources allow to newly comprehend

Они позволяют заново осмыслить древнюю историю Предкавказской равнины и Центрального Кавказа. Особое значение в этом приобретают единственные в своем роде редкостные золотые коллекции, впервые в Осетии собранные Институтом истории и археологии. В настоящее время вместе с другими комплексами археологических фондов они уже относятся к национальному достоянию не только Осетии, но и России.

В целом же в археологической науке Северного Кавказа созданы реальные научные предпосылки для пересмотра ряда сложившихся парадигм, в свое время во многом вызванных конъюнктурными обстоятельствами. Согласно нашим данным, самый общий и предварительный вывод сводится к идее о господстве в Северо-Кавказском регионе цивилизованного этнического единства, его культурной преемственности от кобанской и скифо-сарматской эпох до аланского средневековья. Выдающийся вклад в создание этой самобытной цивилизации, определившей основные формы духовной жизни и художественной стилистики, принадлежит племенам индоевропейского (в частности, индоиранского, арийского) этнического массива.

В контексте этого заключения могут быть выдвинуты для обсуждения фундаментальные проблемы древней истории обширной территории Северного Кавказа и Кавказского перешейка. Полагаем, что зримыми становятся авторитетность в этом регионе индоевропейского (иранского) мира и достаточно высокая степень спорности тезиса об относительно позднем появлении ираноязычных племен на Кавказе. Художественная стилизованность кобанского изобразительного искусства, военно-прикладной характер культуры кобанцев не оставляют сомнений в этнической целостности носителей этой древней цивилизации. Недавно найденные нами бронзовые секиры, пополнившие коллекцию таких же предметов из более ранних находок, как, впрочем, и другие виды оружия, данные об особенностях погребальной практики и структуре поселений кавказских индоевропейцев эпохи средней и поздней бронзы окончательно решают вопрос о военно-демократическом устройстве общественной жизни. В этой связи может существенно меняться также датировка историко-мифологического пролога в формировании Нартовского эпоса,

the Ancient history of the Caucasian foothill plain and of the Central Caucasus. In connection with this of special importance are the one and only unique collections of gold for the first time in Ossetia discovered by the Institute of History and Archeology. At present together with the other complexes kept in our funds they are part of the national property not of Ossetia only, but of Russia as well.

On the whole in the archeological science of the Northern Caucasus real scientific prerequisites are created for the revision of the existing paradigms that were worked out in their time mainly under the pressure of the conjuncture circumstances.

Our data makes us arrive at the most general and preliminary conclusion of the sovereignty in the North Caucasian region of civilized ethnic unity, its cultural continuity from Koban and Scythian-Sarmatian epoch till Alanic Medieval Age. An outstanding contribution in the creation of this original civilization, which determined the main forms of the spiritual life and artistic style, was made by the tribes of the Indo-European (and in particular of Indo-Iranian, Aryan) ethnic massif.

In the context of this conclusion the fundamental problems of the history of the vast territory of the Northern Caucasus and the Caucasian Isthmus can be put forward for the discussion. We believe that the aboriginal character of the Indo-European (Iranian) world in this region becomes evident, at the same time the thesis of relatively late appearance in the Caucasus of the Iranian speaking tribes becomes highly questionable.

The artistic stylization of Koban fine arts and the military-applied character of Koban culture leave no doubts in the ethnic integrity of the bearers of this Ancient civilization. The bronze poleaxes recently found that enriched the collection of the same objects from the earlier findings, as well as the other kinds of weapons, together with the evidence of peculiarities of funeral riots and structure of the settlements of the Caucasian Indo-Europeans of Middle and Late Bronze Age give a conclusive solution of organization of the social life as military-democratic.

In this connection also the dating of the epic Nart Sagas, full of military pathos, similar to the weapons abundance of the Kobans who with pretentious novelty and expression decorated their armament with artistic images can be done differently. Such a coincidence of the two bright achievements in the civilization serves as a good ground for rec-

полного милитаристского пафоса, тождественного оружейному избытку у кобанцев, с изыском и экспрессией наносивших на доспехи воинства художественные изображения. Такое совпадение двух ярких достижений в цивилизации дает повод вспомнить великого французского скульптора Огюста Родена, его скульптуру «Бронзовый век». Гениальная роденовская скульптура и его философское определение эпохи – «рождение человечества» замечательно созвучны с осетинским Нартовским эпосом, в котором вначале люди были «гумирытæ» – «грубые», неприспособленные к жизни, затем Бог создал «новый народ» – нартов, эпических героев, достойных земной реальности.

При оценке общества кобанцев-индоевропейцев как военно-демократического рушатся подходы, согласно которым носителями «кобанской цивилизации», четко обусловленной социально, якобы были «многие народы». Трудно себе представить, чтобы на Кавказском перешейке, отличающемся контрастами географических зон, этнически разные племена синхронно оказались на одном и том же общественно-стадиальном уровне. В этом отношении археологические коллекции нашего института располагают материалами, дающими основания для более глубоких научных размышлений.

В книге-альбоме читатель сможет также ознакомиться с шедеврами сармато-аланской культуры. Среди них особенно выделяются два золотых комплекса – золотое одеяние сарматской женщины и золотая сбруя коня аланского воина. Первый комплекс состоит из более чем 1300 предметов и двух массивных браслетов. Он датируется I в. до нашей эры. Второй включает в себя 44 изделия, в том числе золотые бляхи с изображениями в стиле художественных традиций кобанцев. Даже этих двух богатых археологических комплексов было бы достаточно, чтобы предполагать высокую степень стадиально-общественной продвинутости сарматов, позже получивших этническое название «аланы». Эти и другие золотые комплексы также свидетельствуют о возвышенных культурных запросах сармато-аланской аристократии.

В альбоме дается краткая историческая справка об общей этногенетической картине Алании-Осетии с древнейших времен до позднего средневековья.

ollecting of the great French sculptor Auguste Rodin, his sculpture «Bronze Age». This creation of a sculptor of genius and his philosophic definition of the epoch as «Birth of Mankind» are in a wonderful harmony with the Ossetian epics of the Narts. According to the epics the first people – gumirt – were «rough», not adapted for the life, and later on God created «new kind of people» – the Narts, the epic heroes, deserving earthly reality.

The evaluation of the society of Kobans-Indo-Europeans as a military-democratic one ruins the approaches according to which the bearers of «Koban civilization» socially strictly defined were allegedly «a multitude of peoples». One can hardly imagine that on the Caucasian Isthmus, unique for variety of geographical zones, the tribes of different ethnicity would simultaneously reach one and the same socio-phasic level. In this respect the archeological collections of our Institute are enriching the science with the materials that serve as a basis for deeper scientific reflection.

In the Album the reader can also get acquainted with the masterpieces of Sarmatian-Alanic culture. The two golden complexes occupy a special place among them – the golden garment of Sarmatian woman and golden harness of the horse of the Alanic warrior. The first complex consists of more than 1300 objects. It is dated by the 1st century B.C.E. The second is comprised by 44 artifacts, including the golden pendants with the images stylistically continuing the artistic traditions of the Kobans. Even these two complexes are sufficient to suppose the high level socio-phasic development of the Sarmatians, who later on got the ethnic name of the «Alans». These and other complexes also testify in favor of the cultural demands of Sarmatian-Alanic aristocracy.

In the Album a short historic reference is given concerning the general ethno genetic picture of Alania-Ossetia from the Ancient times till late Middle Ages.

Though in order to stay on a common reader's side the authors made the Album comprehensive not only for the specialists, at the same time they tried to strictly follow the principals of the scientific description. From the chronological point of view it includes a long historical period: from the Early Bronze Age (the end of the 4th millennium B. C. E.) till late Middle Ages (the 14th century C. E.). Inside this large time frame it proved possible to preserve the unity of the historical process in which funda-

Соблюдая читательские интересы и придавая альбому общую доходчивость, авторы одновременно стремились строго придерживаться принципов научного издания. Хронологически он охватывает длительный исторический период – с раннего бронзового века (конец IV тысячелетия до н. э.) и до позднего средневековья (XIV век н. э.). Внутри обширных временных рамок удалось сохранить единство исторического процесса, в основе которого лежит жесткая преемственность археологических культур индоевропейской цивилизации.

За долгие годы руководства Северо-Кавказской археологической экспедицией, а позднее Институтом истории и археологии нам удалось сформировать коллектив профессионалов, специалистов высокой нравственности. Несмотря на сложности времени, недостатки финансирования, он неизменно оставался преданным делу изучения древностей своей родины и во имя этой патриотической цели готов был идти на лишения. Несомненно и другое – у нас имелись единомышленники, патронировавшие экспедицию и Институт истории и археологии. Среди них, в первую очередь, следует отметить бывшего ректора Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л.Хетагурова, первого президента Северной Осетии-Алании А. Х. Галазова. На всех этапах нашей деятельности он всегда приходил нам на помощь. В высшей степени внимательно к нашим непростым проблемам относился также председатель Совета Министров Республики Северная Осетия-Алания С. В. Хетагуров. Мне доставляет искреннее удовольствие выразить им свою благодарность.

В организации издания настоящего альбома, а также в его финансировании активное участие принял Глава Республики Северная Осетия-Алания Т. Дз. Мамсуров. Склонен рассматривать это как глубокое понимание того, сколь важна для нашего народа научная реконструкция его древней истории.

Директор Института истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
профессор М. М. Блиев

ment the strict continuity of archeological cultures of Indo-European civilization lies.

During the long years of the existence first of the North Caucasian archeological expedition and later on the Institute of History and Archeology a collective of professionals, specialist of high morals was formed. Despite the difficult times and lack of funding the stuff of the Institute always remained faithful to the study of the antiquities of their Native Land and for this patriotic goal was ready to overcome the difficulties.

It is also evident that we had faithful allies who patronized the expedition and the Institute of History and Archeology. The first to be mentioned among them is the former rector of the North Ossetian State University after K. L. Khetagurov, the first president of the republic of North Ossetia-Alania, A. Kh. Galazov. At every stage of our work he was always giving us his helping hand. The utmost attention to our problems which were not easy to solve was paid by the chairman of the Minister's Council of the republic of North Ossetia-Alania, S. V. Khetagurov. I am sincerely pleased to express them my gratitude.

In the organization of the publication of this Album and its funding an active role was played by the Head of the republic of North Ossetia-Alania, T. Dz. Mamsurov. I am inclined to consider it as a deep understanding of the importance of the scientific reconstruction of its ancient history for our people.

Director of the Institute of History and
Archeology Of the Republic
of North Ossetia-Alania
Professor M. M. Bliyev

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИИ-ОСЕТИИ В ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ

Мир художественных образов и форм материальной культуры, в которых воплотилась история древней и средневековой Алании-Осетии, доступен нам благодаря исследованиям археологов. Представленные в альбоме памятники, созданные трудом и талантом многих поколений, запечатлели мировоззрение и образ жизни народа, эстетические нормы и ремесленные технологии давно прошедших эпох. Вместе с тем эти вещи являются наглядным объяснением истоков и лучшей иллюстрацией долгого пути осетинского (аланского) народного искусства нового времени, ставшего в XIX–XX вв. источником профессиональных художественных традиций.

Два столетия назад романтическую Европу удивили первые рассказы об Осетии – небольшом островке индоевропейского мира, затерявшемся в теснинах Кавказа. Кто были предки осетин? Чем объяснить неожиданную сохранность их арийской культуры и иранской речи, чуждой кавказским соседям, зато родственной санскриту и латыни, германским и славянским языкам? Поиск ответов на эти вопросы не занял много времени. Оказалось, что в сердце Кавказа сохранился последний осколок некогда многочисленных племен, которых Геродот, Страбон и Птолемей называли скифами и сарматами.

В средневековых хрониках осетины фигурируют под названиями «аланы» или «асы» (в древнерусском варианте – «ясы», в грузинском – «оси»). Аланское царство, знакомое древним

ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY OF ALANIA-OSSETIA IN ARCHEOLOGICAL MONUMENTS

We get an access to the world of artistic imagery and forms of material culture of Ancient and Medieval Alania-Ossetia by means of archeological research. The monuments represented in the Album were created by the talented labour of many generations and reflect the world outlook, mode of life, aesthetic values and industrial technologies of the past epochs. At the same time, these monuments clearly explain the sources and perfectly illustrate the long history of the Ossetic (Alanian) arts and crafts, which in the 19th – 20th centuries shaped the professional art tradition.

It was a revelation for the romantic Europe of two centuries ago to learn about Ossetia – a tiny enclave of the Indo-European world lost in the ravines of the Caucasus. Who were the ancestors of the Ossets? How can one explain the amazingly intact Aryan Culture and Iranian tongue, alien to their Caucasian neighbours, but kin to Sanskrit and Latin, the German and Slavonic languages? It did not take long to answer the questions. The last remainder of the once numerous tribes, called by Herodotus, Strabo and Ptolemy the «Scythians» and «Sarmatians», turned out to have survived in the heart of the Caucasus.

In the medieval chronicles the Ossets appear as «Alans» or «As» people (Old Russian variant being «Jasy», the Georgian one – «Osi»). The Alanian kingdom, known to the ancient authors since the early centuries of the new era, was destroyed in the course of the bloody wars with the Mongols and Timur. Having lost the plains and retreated

авторам с первых веков новой эры, было разрушено в ходе кровопролитных войн с монголами и Тимуром. Потеряв равнинные земли и отступив на юго-восточную окраину разоренной страны, выжившие аланские группы триста лет – с XV по XVII век – жили замкнутыми общинами, обороняя от врагов свои высокогорные долины. Связи между Аланией и Русью, прерванные после татаро-монгольского нашествия, были восстановлены лишь во второй трети XVIII в., когда собравшаяся с силами конфедерация горных обществ установила дипломатические отношения с Российской империей. К этому времени русские успели забыть древнее славянское слово «ясы» и, осваивая Кавказ, заимствовали грузинское название Алании – «Осети». Из русского языка слова «Осетия» и «осетины» попали и в другие европейские языки. Сами осетины в обиходной речи называют себя областными самоназваниями, хорошо известными по раннесредневековым описаниям Алании, – «ир» и «дигор» (в ед. ч. «ирон», «дигорон»). Высокое же, фольклорно-эпическое самоназвание народа – его подлинное имя, не употребляемое всуе, – звучит так же, как и две тысячи лет назад: «аллон» – аланы.

Постоянно растущий интерес к древней культуре и искусству Алании-Осетии – естественный результат археологических открытий последнего времени и важный стимул для дальнейшего научного поиска. Публикуемые предметы из собрания Института истории и археологии РСО-А впервые позволяют проследить непрерывную историю художественного мышления и мастерства сменяющих друг друга эпох – от бронзового века до средневековья.

КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Выгодное географическое расположение на стыке Европы и Азии, горно-рудные богатства и высокий уровень производящего хозяйства сделали Кавказ III–II тысячелетий до н. э. одним из мировых центров бронзовой металлургии. В бронзовом веке установились тесные связи местных племен с населением Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Вместе с успехами в хозяйстве началось имущественное и социальное расслоение общества, повлекшее за собой формирование племенных союзов.

Территория Осетии входила в ареал распро-

to the outermost South-East regions of the ruined country, three centuries long – since 15th till 17th cc. – the surviving Alanian groups lived in secluded communities defending their highland valleys against enemies. The relations between Alania and Rus', broken after the Tatar-Mongol invasion, were restored only in the middle of the 17th century when the confederacy of the highland societies, having gathered strength, established diplomatic relations with the Russian Empire. By that time the Russians had already forgotten the Old Slavonic word «Jasy» and borrowed the Georgian country name for Alania – «Oseti». The terms «Ossetia» and «Ossets» entered the other European languages through the Russian language. In everyday communication the Ossets use the terms «Ir» and «Digor» (the Singular forms being «Iron» and «Digoron») as their regional self-names, well known from the early medieval descriptions of Alania. The lofty folk epic self-name of the people, its true name, not to be used in vain, is the same as it used to be two thousand years ago: «Allon» – «Alans».

The ever growing interest for the ancient Alanian-Ossetian culture and art is a natural result of recent archeological discoveries and an important incentive inspiring further scientific research. The archeological items, selected for the present publication from the collection of the Republic of North Ossetia-Alania Institute of History and Archeology, allow to observe the unbroken tradition of the artistic thinking and craftsmanship of the consequent epochs: from the Bronze Age to the Middle Ages.

BRONZE AGE CULTURES

The favourable geographical position of a junction between Europe and Asia, the rich mineral supplies and high level of manufacturing economy, made the Caucasus of the third-second millennia BC one of the most important world centers of bronze metallurgy. During the Bronze Age close relations were set up between the local tribes and the population of South-East Europe and the Middle East. The achievements in the economic development entailed property and social stratification, which led to the formation of tribal unions.

The territory of Ossetia was part of the area of a number of Bronze Age archeological cultures. In Early Bronze Age in the Caucasus a close

странения целого ряда археологических культур бронзового века. В эпоху ранней бронзы на Кавказе происходило тесное общение и смешение этнических потоков из Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Древнейшие из представленных в альбоме памятников – предметы майкопской и куро-араксской культур (конец IV – середина III тысячелетия до н. э.). Куро-араксы были прекрасными скотоводами и земледельцами, владели полным циклом металлургического производства, достигли значительных успехов в гончарстве и ткачестве. Освоение летних альпийских пастбищ для отгонного скотоводства привело к заселению куро-араксами горных районов. Племена же майкопской культуры занимали земли Предкавказской равнины. Ведущей отраслью их хозяйства было скотоводство, в земледелии они уступали соседям. Мастерство майкопских и куро-аракских ремесленников демонстрируют включенные в альбом бронзовые топоры и булавки.

Племена среднебронзового века предгорий Центрального Кавказа (вторая половина III – первая треть II тысячелетия до н. э.) были наследниками культурных традиций эпохи ранней бронзы. Они также занимались оседлым скотоводством и земледелием, но достигли заметного прогресса в ремеслах, изделия из бронзы стали прочнее и разнообразнее. Древности этих племен представлены в альбоме характерным керамическим сосудом ручной лепки и ритуальной курильницей для благовоний, каменными топорами, бронзовыми украшениями и булавками. Обращают на себя внимание медальоны с изображением различных видов мандалы, «колеса жизни», идеальной «карты» вселенной.

Археология прослеживает длительные контакты и взаимовлияние населения предгорий с племенами предкавказской катакомбной культуры – пастухами и земледельцами, в которых ученые видят одну из ветвей индоиранцев, обособившихся после распада индоевропейской общности. Катакомбная культурно-историческая общность, названная так по типу погребальных сооружений, получила распространение в степях от Днепра до Волги, но первоначально формировалась в Западном Предкавказье и Приазовье. Бронза, которой пользовались катакомбники, имеет кавказское

communication and merging of different ethnic streams from South-East Europe and the Middle East took place. The earliest monuments (which appear in the present Album) are items of the Maykop and Kura-Arax cultures (the end of 4th – middle of 3rd millennium BC). The people of Kura-Arax Culture were very good at stock breeding and agriculture, they had command of full metallurgy cycle manufacturing, achieved a lot in pottery making and weaving. The summer use of distant pastures of alpine meadows allowed Kura-Arax people to establish settlements in the mountainous areas. Meanwhile the tribes of Maykop Culture occupied the plains of the Caucasus. The leading sector of their household was cattle-breeding, and in crop farming they were less efficient than their neighbors. The mastery of Maykop and Kura-Arax craftsmen is demonstrated by the bronze axes and pins included in the Album.

The tribes of Middle Bronze Age of the Central Caucasian foothills (second half of 3rd – first third of 2nd millennium BC) were the heirs of the Early Bronze Age cultural traditions. They were also engaged settled cattle-breeding and agriculture, but achieved evident success in handicraft, the bronze articles became more durable and diverse. The antiquities of these tribes are represented in the Album by typical ceramic hand modeled vessel and ceremonial incense burner, stone axes, bronze decorations and pins. One's attention cannot escape medallions with the different images of mandala, i. e. «the wheel of life», the ideal «map» of universe.

The archeology observes the long lasting contacts and mutual influence between the mountain foothills inhabitants and the tribes of Ante-Caucasian Catacomb Culture – the herdsman and farmers, whom the scholars see as a branch of Indo-Iranians, who became isolated after the Indo-European community had fallen apart. The Catacomb cultural-historical unity named so due to the type of burial constructions, spread all about the steppes from the Dnieper to the Volga, but initially it was formed in the West of Ante-Caucasian area and by the Azov sea coastline. The bronze which the Catacomb people used was of Caucasian origin. The territory of medieval Alania and modern Ossetia was the main area, inhabited by the Catacomb tribes till the middle of the second millennium.

The Catacomb ceramics, especially the large-sized crockery, is characterized by a rich decor –

происхождение. Территории средневековой Алании и современной Осетии были до середины II тысячелетия до н. э. одним из основных районов обитания катакомбных племен.

Катакомбная керамика, особенно посуда больших размеров, отличается богатством декора (резным орнаментом и фигурными налестками), который, по предварительным оценкам, может быть прочитан как космологический текст.

Число ножек керамических курильниц, несомненно, также воспроизводит строение вселенной и структуру идеального общества в представлении индоевропейцев.

Типичной частью катакомбного инвентаря являются колеса от ритуальной модели повозки, предназначенной для последнего путешествия.

КОБАНСКАЯ КУЛЬТУРА

В 1869 г. на территории Осетии была открыта кобанская культура, признанная одной из мировых технологических и художественных вершин бронзового века. Культура, названная по месту первых находок – осетинскому селению Кобан, сформировалась в своих классических формах к XII в. до н. э. Именно кобанские племена первыми освоили всю горно-предгорную территорию будущей Алании, создав целостную хозяйственно-экологическую систему, ставшую прочной основой этнического и культурного единства. В кобанскую эпоху произошел переход от родового к территориально-общинному устройству общества, выделилась военная аристократия, окончательно сложились крупные союзы племен. У носителей кобанской культуры (их условно называют кобанцами) существовали традиции каменного, деревянного и турлучного строительства, возникла развитая система поселений, наладилось отраслевое разделение труда между горами и равниной.

Формирование самобытной кобанской культуры опиралось на предшествующие достижения Кавказа и Юго-Восточной Европы. Особенно интересны связи кобанской культуры с другими высокоразвитыми центрами бронзовой металлургии – Луристанским (в Западном Иране) и Карпато-Дунайским. Кобанские мастера достигли выдающихся успехов в производстве металлических изделий, а также в гончарном

figured stucco moulding and carved ornaments, which according to preliminary estimations could be interpreted as a cosmological text. The wheels of a carriage model made of clay are typical Catacomb artifacts. The number of the legs of the incense burner is also rendering the structure of universe and ideal society the way the Indo-Europeans it considered. The typical part of the Catacomb burial inventory are the wheels of model of a ritual carriage intended for the last trip.

KOBAN CULTURE

In 1869 the Koban Culture, acknowledged to be one of the greatest Bronze Age achievements was discovered on the territory of Ossetia. The culture, which owes its name to the Ossetian village of Koban – the place where the first finds were unearthed, had shaped in its classical form by the 12th century BC. The Koban tribes were the first to explore the whole montane-submontane territory of the future Alania, creating a complete system of economy and ecology which formed a solid foundation for the ethnic and cultural unity of the Alans. The Koban epoch marked the transition from the patrimonial to the territorial-communal social structure, the military aristocracy stood out; the large tribal unions took their final shape. The bearers of Koban Culture – who are conventionally called Kobanians – had the tradition of stone, wood and daub-and-wattle construction, they developed system of settlements, division of labour between highlanders and dwellers of the flat country was established.

The formation of the unique Koban Culture rested on the previous achievements of the Caucasus and South-East Europe. The ties of the Koban Culture with the highly developed sites of the Bronze Age metallurgy – the Luristan (in Western Iran) and the Carpathian-Danubian centres – are of special interest. The Koban craftsmen were outstandingly successful as weavers and producers of articles made of metal, ceramics, stone and bone. The Koban bronze astonishes by its perfection of forms and the variety of technologies and techniques applied (moulding, smithery, chasing, etc.). The excavations of Koban settlements revealed the metallurgy workshops with regular ovens, with crucibles and small scoops for liquid metal, founding forms and bronze half-finished products. The bronze was distinguished for its high quality

Курган в процессе археологических раскопок
Burial hill in the process of excavation

и ткацком деле, в обработке кости и камня. Кобанская бронза поражает совершенством форм и разнообразием ремесленных технологий (литья в формах и по восковой модели,ковки, чеканки, инкрустации и др.). При раскопках кобанских поселений найдены мастерские металлургов с плавильными печами, тиглями и ковшиками для жидкого металла, литейными формами и бронзовыми заготовками изделий. Бронза отличалась высоким качеством, потому что содержала достаточное количество олова. Железо, знакомое кобанцам уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э., поначалу использовалось для инкрустаций по бронзе.

Большинство включенных в альбом кобанских вещей обнаружено при раскопках могильников: Адайдонского XV–V вв. до н. э., Эльхотовского IX–VII вв. до н. э. (раскопки В. Т. Чшиева) и у селения Цамад, несколько предметов найдено в Кобанском ущелье и у селения Средний Урух. Публикуемая коллекция отражает почти все этапы зарождения и эволюции кобанской культуры, дает представление о типичном кобанском оружии (боевые топоры, копья,кинжалы, напершия булавы) и конской узда, мелкой пластике (фигурка и головы баранов, изображение тура, быка, собаки, кисти руки), деталях мужской одежды (инкрустированные поясные пряжки, фибулы-застежки), женских украшениях (накошник, налокотник, перстни, браслеты, височные привески), керамических и бронзовых сосудах.

Художественное совершенство кобанских вещей всегда исполнено глубокого смысла, и науке еще предстоит научиться читать эти ре-

because it contained sufficient amount of tin. Iron, known to the Kobanians already at the turn of the second – first millennia BC was initially used to inlay bronze items.

Most of the Koban items included in the album were found due to the excavations of the burial grounds: Adajdon burial ground of 15th – 5th cc. BC, Elkhoto burial ground of 9th – 7th cc. BC at the village of Elkhoto (excavations by V.T.Tshiev) and burial ground at the village of Tsamad. Some objects were found at the village of Middle Uruk and in the Koban gorge.

The collection of the Album reflects almost all the stages of origin and evolution of Koban culture. It gives an idea of the typical weapons of the Kobanians (battle axes, spears, daggers, heads of the maces), of the horse harness, the small-size plastic items (a figurine and heads of rams, images of a mountain goat, bull, dog, human arms). It contains the accessories of men's outfit (inlaid belt buckles, fibula clasps), of women's decorations (an adorned plate for long braided hair, elbow-piece, finger rings, bracelets, pendants to be worn on the temples), the ceramic and bronze vessels.

The artistic perfection of Koban artifacts is always full of deep meaning, and present day science is only learning to read these religious-mythological texts. Both the geometrical ornament and representations on the battle-axes of serpents, fish, and dogs may prove to be the means of description of the world. The sculpture dagger's cap representing two horse-riders is a reference of myth of the first human couple.

The ritual pendant with ram's head, pole-axe shaped wings and solar symbols may indicate

Археологи на раскопе
The archeologists at the excavation site

лигиозно-мифологические тексты. И геометрический орнамент, и образы змей, рыб, собак на боевых топорах обещают оказаться способами описания мира. Скульптурное навершие кинжала в виде двух всадников адресует зрителя к мифу о первой человеческой паре.

Ритуальная привеска с головой барана, секировидными крыльями и солярными знаками указывает, возможно, на духовную власть своего обладателя. «Княжеская» фибула явно совмещает функциональное удобство с декоративными признаками социального престижа.

Удила с псалями, изображающими пару боевых собак, находят зримый семантический аналог-продолжение в следующей культурно-исторической эпохе: иная стилистика скифских псалиев с собачьими мордами только подчеркивает преемственность.

Стиль кобанского изобразительного искусства, орнаментальные мотивы и даже некоторые типы вещей продолжали жить в аланской народной культуре вплоть до эпохи позднего средневековья.

СКИФЫ И САРМАТЫ

Еще в первой половине II тысячелетия до н. э. древние арии разделились на две ветви – индоарийскую и иранскую. Индоарийские племена обосновались в Индии, а иранцы расселились по разным частям света. Северные иранцы, которых в Азии называли саками, а в Европе

the spiritual power of its owner. The «duke's» fibula evidently combines functional comfort and decorative signs of social prestige. Horse bits with cheek-pieces representing the couple of war dogs find a clear semantic analogue-continuation in the following cultural-historical epoch: different stylistics of the Scythian cheek-pieces with the dog's muzzles only stress the succession.

The style of the Koban visual art, its ornamental motives, and even certain types of artifacts kept on living in the Alanic people's culture till Late Middle Ages.

SCYTHIANS AND SARMATIANS

Already in the first half of the second millennium BC the ancient Aryans divided in two branches – the Indo-Aryan and Iranian ones. The Indo-Aryan tribes settled in India, whereas the Iranians found themselves in different parts of the world. The Northern Iranians called «Sakas» in Asia and «Scythians» in Europe, became the first nomads of the Euro-Asian steppe stretching from the Northern Black Sea coast and the submontane plain of the Caucasus to Kazakhstan and South Siberia.

In the 8th–7th centuries BC a powerful tribal union of the Iranian nomads – Scythians – developed on the submontane plain of the Caucasus. Having conquered the steppes around the Black Sea coastline, they campaigned against the rich Transcaucasian and Asia Minor countries.

скифами, стали первыми кочевниками евразийских степей, протянувшихся от Северного Причерноморья и Предкавказья до Казахстана и Южной Сибири.

В VIII–VII вв. до н. э. на Предкавказской равнине сложился сильный племенной союз иранских кочевников – скифов. Завоевав причерноморские степи, они направили свои походы в богатые страны Закавказья и Передней Азии. Пользуясь перевальными дорогами, скифы очень скоро освоили обе стороны Кавказского хребта – в том числе территорию современной Осетии и прилегающие к ней земли, населенные кобанскими племенами. Под влиянием широких контактов с народами Кавказа и Передней Азии сложилась классическая скифская

Using the mountain passage ways, the Scythians soon rooted on both sides of the Caucasian Ridge including the territory of Modern Ossetia and the adjacent lands populated by the Koban tribes. Owing to the close contacts between the Iranians and the Caucasian and Asia Minor people, arose the classical Scythian Culture, represented on both the Northern and Southern slopes of Central Caucasus since the time of its emergence. The archeological data testifies that the zone of permanent Scythian presence was formed to the North of the Kura river nad to the West of the Aragui river. Here the Main Caucasian Ridge was never a boundary line between the people and cultures: Kura-Arax tribes were living on its both slopes in Early Bronze Age, and in Late Bronze Age – Koban tribes.

Браслеты с изображениями баранов на концевых пластинах и стеклянный кубок знатной сарматки (процесс раскопок)
Bracelets with images of rams at the end plates and glass cup of a noble Sarmatian lady (the process of excavation)

культура, которая с момента своего возникновения была одинаково представлена на северном и южном склонах Центрального Кавказа. По данным археологии, зона постоянного скифского присутствия сложилась к северу от Куры и к западу от Арагвы. Здесь Главный Кавказский хребет никогда не служил границей между народами и культурами: по обеим его сторонам в раннем бронзовом веке жили куро-аракские, а в эпоху поздней бронзы – кобанские племена. Легкость, с которой скифы вступали в тесное взаимодействие с кобанцами и проникали на их территорию, некоторые ученые считают ар-

The facility, with which the Scythians initiated close interaction with the Kobanians and penetrated their territory, is regarded by some scholars as a convincing argument in favour of the viewpoint of the Indo-European (possibly even Indo-Iranian) congeneric descent or close relation of the Kobanians. The assumption is further supported by the fact that in this very area of the Caucasus the Iranian ethno-cultural tradition took root and developed without interruption.

In 3rd – 2nd centuries BC European Scythia was conquered by the Sarmatians – the Iranian nomads who had come from the steppe north of

Золотые украшения сарматского женского костюма (процесс раскопок)
Gold decorations of a Sarmatian lady's attire
(the process of excavation)

гументом в пользу индоевропейского (возможно, даже индоиранского) происхождения или родства кобанцев. Основанием для такого предположения служит и то, что именно этот район Кавказа стал очагом непрерывной иранской этнокультурной традиции.

В III-II вв. до н. э. европейская Скифия была завоевана сарматами – так называли иранских кочевников, пришедших из степей севернее Каспийского моря. Сарматы были одним из скифских народов, ближайшими родственниками и соседями европейской Скифии, которая теперь стала называться Сарматией. Победители-сарматы расселились на равнине и в предгорьях Кавказа, вслед за скифами постепенно переходя к оседлой жизни. Скифы называли себя «скуда», а свою страну «Скудара». В современном осетинском языке это имя звучит как «Кудар». Так называется область на юго-западе Осетии. Но северные осетины часто называют «кудар» все население высокогорной Центральной и закавказской Южной Осетии, то есть тех областей, куда пришедшие с севера сарматы потеснили скифских старожилы.

Военные успехи скифо-сарматов, совпавшие с эпохой распространения железа, определили престижное место оружейного искусства в культуре северных иранцев. Меч, верно служивший воину в бою, являлся символом доблести и духовной силы. В скифо-сармато-аланской традиции железный меч рассматривался как воплощение божества – ему поклонялись и приносили жертвы. Типичный скифский воин –

the Caspian Sea. The Sarmatians were one of the Scythian people, close relations and neighbours of European Scythia, which took the name «Sarmatia» at the time. The victorious Sarmatians populated the plains and the foothills of the Caucasus, gradually altering their mode of life and becoming settled like the Scythians. The Scythians called themselves «Skuda», and their country – «Skudara». In Modern Ossetian this name is preserved as «Kudar». Thus is called an area in the south-west of Ossetia. In the north the Ossetians often apply the name of «Kudar» for the whole population of highland Ossetia, both of its central and southern parts, i. e. of those areas where to the old Scythian population was driven by Sarmatians.

The military successes of the Scythians-Sarmatians achieved during the Iron Age predetermined the almost mystical admiration which the art of making weapons has traditionally excited in the hearts of Northern Iranians. The sword which served the warrior in battle was a symbol of valour and spiritual power. In the Scythian-Sarmatian-Alanian tradition an iron sword was perceived as an embodiment of a deity – it was worshipped and made sacrifices to. The typical Scythian warrior was an archer on horseback who used the Akinak sword only when fighting unmounted. The Sarmatian rider's long swords appertain to a new stage in the history of the art of war – the main shock troops of the Sarmatians being the heavily armed cavalry of professional warriors. The mythological interpretation of the close relation between the warrior's destiny and his sword is a typical motif of the Ossets' monumental epic about the heroic Narts, which is known worldwide today. The «Narts» is the poetic pseudonym of the creators of the epic themselves – the Aryans, Scythians-Sarmatians, Alans – who perpetuated the social relations and world outlook of the ancient epoch in the heroic sagas.

The imported table-ware used by the Scythians, for instance, amphora and a bowl, are a testimony of trade relations with the Greek cities of Black Sea coast. The bronze cauldron and the ceramic crockery of the Sarmatians revive in the memory the descriptions by ancient classics of the daily routines and rituals of the severe steppe dwellers. The usual adornments of the Sarmatian women of fashion were beads, glass and stone beads, a gold bracelet, bronze mirror, jewelry made of gold with precious stone insets, pendants to be sewn on.

конный лучник, мечом-акинаком он действовал, как правило, в пешем бою. Длинные всаднические мечи сарматов принадлежат новому этапу в истории военного искусства – главной ударной силой сарматского войска стала тяжелооруженная кавалерия воинов-профессионалов. Мифологическое осмысление связи меча с предназначением и судьбой воина – характерный мотив монументальной осетинской эпопеи о героях-Нартах, известной сегодня всему миру. Нарты – поэтический псевдоним самих создателей эпоса – ариев, скифо-сарматов, алан, запечатлевших в героических сказаниях общественные отношения и мировоззрение древней эпохи.

Употреблявшаяся скифами импортная посуда (например, амфора и чаша) свидетельствует о торговых связях с греческими городами Причерноморья. Бронзовый котел и керамическая посуда сарматов оживляют в памяти античные описания бытовой жизни и ритуальной практики суровых степняков.

Обычный арсенал сарматских модниц – бисер и бусы из стекла и поделочного камня, золотой браслет, бронзовое зеркало, ювелирные изделия из золота с камнями, нашивные бляшки.

Большой комплекс золотых украшений начала новой эры открыт в 1983 г. при исследовании кургана у селения Комарово (раскопки Н. И. Гиджрати и А. О. Наглера). Богатство и особенности инвентаря, принадлежавшего пожилой женщине, указывают на ее высокий статус в сарматском обществе – по предположению археологов, она была жрицей. На шее знатной сарматки сверкала цепь, свитая из золотой проволоки, с застежками в виде грифонов с львиными головами. На руках – массивные многовитковые золотые браслеты с изображениями баранов (символ «Фарна» – небесной благодати) на концевых пластинах. В числе украшений – составной кулон в виде кабана, золотые височные кольца и серьги, множество бус из сердолика, агата, стеклянной пасты. Бронзовое зеркало с ручкой, керамический и стеклянный сосуды сопровождали хозяйку, обернутую в парчовое покрывало, расшитое множеством золотых бляшек в виде розеток, животных, человеческих лиц, крестов и свастика, ромбов и пронизей.

Львиноголовые грифоны, цепочка и часть кулона знатной сарматки (процесс раскопок)
Lion-headed griffons, chain, and a fragment of a noble Sarmatian lady's pendant
(the process of excavation)

A large set of gold adornments dating back to the beginning of the new era was uncovered in 1983 when the burial mound at the Komarovo village was explored (excavations by N. I. Gidzhrati and A. O. Nagler). The resplendence and peculiarities of the things which belonged to an elderly woman show her high standing in the Sarmatian society. The archeologists suppose she was a priestess. A chain of braided gold string with clasps shaped as lion-headed gryphons sparkled on the neck of the noble lady. Massive gold bracelets of complex weaving which ended in plates featuring rams (the symbol of «Farna» – Heavenly Grace), were on her arms. Among the decorations there also were gold rings and earrings to be worn on the temple, a compound pendant shaped like a wild boar, a lot of beads made of cornelian, agate and glass paste. The bronze mirror with a handle, ceramic and glass vessels were placed near their owner, who was wrapped in a brocade hearse-cloth adorned with plenty of gold pendants shaped like rosettes, animals, human faces, crosses and swastikas, rhombuses, and cylinder-shaped beads normally made of metal and sewn on.

На рубеже новой эры скифо-сарматы Юго-Восточной Европы и Кавказа приняли единое имя – аланы. Современники создания нового политического объединения хорошо понимали, что «аланы» – это общее самоназвание близкородственных скифо-сарматских племен, которые раньше выступали под разными именами. По словам римского историка Аммиана Марцеллина, «с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами».

Имя «аланы» не было ни новым, ни искусственным – напротив, в условиях объединения произошло естественное возвращение к исконному и самому древнему названию иранцев. «Алан» – так на древнеосетинском (скифо-сарматском) языке звучало общее самоназвание всех ариев – «ариана».

С созданием аланского объединения прекратились войны между отдельными областями, на путях международной торговли выросли города. На территории современной Осетии расположено несколько крупных городищ (Владикавказское, Брутское, Зилгинское и другие) – остатков древних городских центров. Аланы Кавказа жили оседло, занимаясь пашенным земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей. Существовало разделение труда между рядовым населением, занятым в хозяйстве, и аристократией, которая сосредоточила в своих руках военное дело и управление.

Расцвет Зилгинского городища – раннеаланского города на семи холмах – приходится на I–IV вв. Городской некрополь, растянувшийся на сотни гектаров, принято называть Бесланским могильником – его исследование (раскопки Ф. С. Дзуцева) познакомило науку с образцами оригинального искусства и многоотраслевого ремесленного производства. В числе бесланских находок – разнообразная керамика, изделия из кости, железа, бронзы, серебра и золота.

Предполагается, что Зилга формировалась как торговый и ремесленный центр крупного региона. В частности, продукция городских гончаров находила спрос далеко за пределами нынешней территории Осетии. Богатые традиции керамического производства проявляются как в утилитарных качествах, так и в эстетических достоинствах поставляемой посуды.

At the turn of the new era the Scythians-Sarmatians of South-East Europe and the Caucasus adopted a common name – «Alans». The contemporaries who witnessed the formation of the new political union were well aware that «Alans» was the common self-name of the closely related Scythian-Sarmatian tribes, which had been earlier known under different names. Ammianus Marcellinus, the Roman historian, wrote: «In the course of time they took a new name so that now they are all called 'Alans'».

The name «Alans» was neither new nor artificial – on the contrary, the formation of the above specified union naturally brought back the original and most ancient name of the Iranians. «Alans» was the Old Ossetic (Scythian-Sarmatian) common selfname of all the Aryans – «Aryana». The creation of the Alanic Union stopped the ruinous wars formerly waged between separate provinces. New cities grew along the international commercial roads. There are several sites of large ancient settlements on the territory of Modern Ossetia (the Vladikavkaz, Brut, Zilga and other sites) – the ruins of ancient urban centres. The Alans of the Caucasus led a settled mode of life, and were engaged in land cultivation, cattle breeding, crafts and commerce. The division of labour brought about the social stratification of the Alans into the common people, engaged in agriculture and manufacturing goods, and the aristocrats, who concentrated in their hands the military power and management.

The Zilga settlement – an early Alanic city situated on seven hills – flourished in the 1st – 4th centuries AD. The city necropolis stretching out on hundreds of hectares is generally named «the Beslan Sepulchre» (excavations by F. S. Dzutsev). The exploration of the burial ground opened for research the mature arts and diversified trades of the people. The Beslan finds include various manufactured articles – ceramics, items made of bone, iron, bronze, silver and gold.

Zilga is believed to have developed as an important commercial and manufacturing centre of a large province. Thus the goods produced by the city potters were in demand far beyond the present territory of Ossetia. The rich traditions of ceramic manufacture are reflected in both the utilitarian and aesthetic merits of the hardware delivered from Alania.

Образное мировосприятие аланских мастеров происходит, несомненно, из мифопоэтического представления о вселенной, в которой общество не противопоставлено природе, а составляет с ней единое целое. Отсюда и тонкое чувство природного материала – например, глины. Поражает пластическая завершенность стилизованных изображений животных в виде ручек керамических сосудов. Блестящая по простоте и выразительной лаконичности, аланская техника скульптурной лепки органично соединяет декоративный прием с практической функцией ручки сосуда, превращая бытовые вещи – кружки, корчаги, кувшины – в произведения подлинного искусства.

К сожалению, неясно назначение двух каменных статуэток, изображающих человеческую голову. В группу антропоморфных произведений мелкой пластики входят также золотые бляшки-личины и мастерски вырезанная из янтаря подвеска – шаржированный портрет персонажа с характерными чертами, напоминающими нартовского Сырдона с тугановских иллюстраций к эпосу.

Золотые подвески и бляшки, серьги и бусы тонкой работы, застежки с гранатом и сердоликом, серебряный перстень, пряжки и фибулы дают представление о ювелирных стилях эпохи. Нетрудно заметить близость многих изделий с сарматскими вещами предшествующего времени, легко обнаружить и исходные образцы будущего – средневекового – аланского искусства.

Особое место занимает в бесланской коллекции роскошная конская сбруя из тайника в катакомбе аланского аристократа. В набор конских украшений входят четыре нагрудных и начельный фалары, 36 четырехугольных блях, подвески и колокольчики. Фалары и бляхи, сделанные из золотого листа на бронзовой основе, украшены рельефными изображениями животных в самобытном «зверином стиле», корни которого уходят в кобанскую и скифскую эпохи.

В центре композиции нагрудного фалара – свернувшийся змей (дракон) с раскрытой пастью и раздвоенным языком, вокруг него, по кругу, – четыре хищника с агрессивным оскалом: гривастые самцы чередуются с самками, у которых загнутый хвост оканчивается мордой меньшего размера. Мифологический смысл по-

The imaginative perception of the world typical of the Alanic craftsmen should be, no doubt, attributed to the mythopoetical conception of the Universe in which the human society is not opposed to nature but forms an integral unity with it. Hence, the sophisticated sense of the natural material – for example, clay. One cannot but marvel at the plastic perfection of the earthenware vessel handles shaped like stylized animals. The wonderful simplicity and expressive laconism of the Alans' sculpture modeling harmoniously brings together the aesthetic and practical functions of the vessel handles, turning ordinary household items – mugs, large earthenware pots, jugs – into things of art.

There are also the two stone statuettes featuring a human head, the practical function of which has not yet been made out. The group of small anthropomorphic plastic images also includes a gold pendant featuring a face and a carved amber pendant – a jest image, the character features of which are like the Nart Syrdon as portrayed by Tuganov, the famous painter who illustrated the Narts' epic.

The gold pendants and plates, the belt tip, the fine earrings and beads, the clasps decorated with garnet and cornelian, the finger ring, buckles and fibulae are suggestive of the jewelry styles of the epoch. It leaps to the eye that many of the items bear resemblance to the Sarmatian things of the foregoing times; on the other hand they could be regarded as the basic models according to which the future – medieval – Alanian art developed.

The luxurious horse harness of the Beslan collection, found in a cache of an Alanian aristocrat's catacomb, is of special interest. The horse decoration set includes four breast and face phaleras, thirty six four-cornered pendant plates, pendants and bells. The phaleras and plates, made of gold sheet on a bronze base, are decorated with relief images of animals performed in the original «zoomorphic style», which goes back to the Koban and Scythian epochs.

In the centre of the breast phalera there is a coiled serpent (dragon), its mouth open and showing a forked tongue. Around it there are featured four beasts of prey grinning menacingly: the males, which have long manes, alternate with females whose curved tails end in smaller-size muzzles. The mythological message of the cosmogram is probably connected with the idea of the eternal

добной космограммы близок, по-видимому, к идее вечного круговорота, развития жизни в столкновении противоположных начал. Ключевой образ здесь – змей, связанный с оплодотворяющей и производящей силой. Мотив зверя с мордатим хвостом известен еще в скифском искусстве, аланская иконография позволяет увидеть в нем формулу связи времен, продолжения жизни.

Наряду с мифологическим, можно предполагать и геральдическое значение конских украшений, связанное с положением владельца всадника. Золото было атрибутом власти, оно ассоциировалось с солнечным светом, могуществом и бессмертием. Идеология превосходства и богоизбранности военной элиты господствовала в аланском обществе. «Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны, – рассказывает Аммиан Марцеллин. – У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении». Царям Алании служила военная знать. Костяк аланского войска составляли тяжеловооруженные конные дружины профессиональных воинов-рыцарей, облаченных в доспехи и действующих сомкнутым строем. Неотъемлемой частью всаднической идеологии было религиозно-мифологическое осмысление отношений воина с боевым конем. Нартовский эпос сохранил образы коней, наделенных чудесными чертами, а посвящение коня умершему практиковалось в Алании-Осетии вплоть до нового времени.

На протяжении всей аланской истории известны колокольчики и бубенчики, украшавшие шею боевого коня. Их звон оберегал лошадь и всадника от злых сил. Ту же функцию выполняют фольклорные бубенчики в Нартовском эпосе, сохранившем память об этой необходимой детали реального конского снаряжения.

Отличительная черта «звериного стиля» бесланских вещей – полиморфизм. Яркий пример – восемь четырехугольных сбруйных блях с изображением фантастического животного, терзаемого хищной птицей. Схематически показанные крылья при горизонтальном рассмотрении выглядят декоративным атрибутом одинокого животного. Птица, вонзившая клюв в холку жертвы, проявляется при вертикальном рассмотрении композиции. Ухо терзаемого

зверя помещено вне его контуров и составляет одно целое с глазом птицы. Мотив птицы на спине животного, распространенный в искусстве скифов и кобанцев, получил в аланской иконографии новое развитие, утрачивая реалистические черты и трансформируясь в направлении стилизации.

Самобытный стиль, экспрессия и изящество линий, смысловая глубина и выверенная композиция изображений роднит их с шедеврами скифского искусства. Вместе с тем художественное мышление аланских мастеров продолжает традиции кобанской культуры. Достижением нового, раннеаланского этапа эволюции изобразительного канона явилась особая стилистика, совмещающая высокую степень схематизации со смысловой насыщенностью и приемами полиморфной иконографии.

circulation of life, deriving and developing due to the conflict of opposites. The serpent, associated with the power of fecundity and production, is the key image here. The motif of a beast with a muzzled tail was already popular in the Scythian art. The Alanic iconography associates it with the formula of time joint, continuation of life.

The mythological implication of the horse's decorations is inferable along with their heraldic message, connected with the social rank of the owner – the horseman. Gold was an attribute of authority; it was associated with sunlight, power and immortality. The ideology prevalent in the Alanic society was based on the perception of the military elite as being superior and Godchosen. «Just as quiet people love a peaceful mode of life, the Alans take pleasure in danger and war», Ammianus Marcellinus wrote. «For them those who fall in battle are considered fortunate». The military nobility served the Alanic kings. The heavily armed squads of horsemen formed the backbone of the Alanic troops. They were professional warrior knights in armour who acted in close order during the battle. The religious mythological perception of the relationship between the warrior and his warhorse was inherent in the ideology of Chivalry. The Narts' epic has preserved the images of horses endowed with wonderful traits and the ritual of consecrating the horse to its deceased master had been commonly practiced in Alania-Ossetia until recent times.

The little bronze bells used to adorn the horse's neck were well known throughout the whole of Alanian history. The tinkling of the bells was to keep evil away from the horse and the rider. The same function is ascribed to the folklore little bells from the Narts' epic which recorded this necessary detail of the once real horse harness.

Polymorphism is the distinctive feature of the «zoomorphic style» of the Beslan finds. The eight quadrangular harness pendants, each featuring a fantastical animal tormented by a bird of prey are a bright example of it. The schematic representation of the wing, when viewed horizontally, looks like a decorative attribute of the single animal. The bird which thrust its beak into the withers of the prey becomes apparent only when the composition is viewed vertically. The ear of the tormented beast is placed beyond its contours and forms one whole with the bird's eye. The motif of a bird on

Золотые украшения костюма и кубок знатной сарматки (процесс раскопок)
Gold decorations of a attire and glass cup of a noble Sarmatian woman (the process of excavation)

the back of an animal, recurrent in the Koban arts, was further developed in the Alanic iconography losing its realistic features and transforming into a stylized image.

The original style, the expressiveness, the fine lines, the semantic profundity and thorough composition of the images make them akin to the masterpieces of the Scythian arts. At the same time the artistic worldview of the Alanic craftsmen carried on the traditions of the Koban Culture. The new, early Alanic stage of the fine arts canon was marked by a peculiar style which combined a high degree of schematization, rich semantic charge and polymorphous iconography techniques.

In the last third of the 4th century the Northern districts of Alania were invaded by the Huns, whose advance from Central Asia opened the epoch of the Great Migration of peoples. In the late fourth and during the fifth centuries the part of the Alans, was involved in the Great Migration, they crossed all of Europe and reached Spain and North Africa. The modern historians of the West trace the Chivalry (Knighthood) traditions of medieval Europe to the Scythian-Sarmatian and Alanic Military Culture. It has been discovered that the legends of King Arthur and the Round Table Knights, which first formed as a folklore and later, in the Middle Ages, developed into a literary embodiment of chivalry ideal, were built on an Alanic substratum.

В последней трети IV в. в северные области Алании вторглись гунны, чье движение из Центральной Азии открыло эпоху Великого переселения народов. В конце IV–V в. часть алан, подхваченная Великим переселением, прошла через всю Европу до Испании и Северной Африки. К скифо-сарматской и аланской военной культуре современные западные историки возводят традиции средневекового европейского рыцарства. Аланская основа обнаружена в легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, ставших в средние века сначала фольклорным, а затем и литературным воплощением рыцарского идеала.

Кавказ оставался аланской родиной и после того, как северные аланские равнины стали добычей гуннов и последующих, грозными волнами сменявших друг друга кочевников. Средневековые авторы называли Центральный Кавказ «Аланской горой» и подчеркивали кавказское происхождение алан, рассеянных по Европе в эпоху Великого переселения народов. Территория Алании значительно сократилась, на севере она доходила теперь только до среднего течения Терека, который назывался «Аландон» («Аланская река»). Горные области Алании располагались между Эльбрусом и Казбеком.

Последствиями эпохи войн и миграций были характерные черты раннего средневековья – нарушение торгового обмена, упадок хозяйства и городской жизни, распадение политических связей. Возрождение страны, обретение Аланией своего места в изменившемся мире происходило в русле становления феодального общества и сильной государственной власти.

VI–VII вв. были временем быстрого хозяйственного роста и значительных социальных сдвигов. Строились новые поселения и крепости, увеличивалась площадь обрабатываемых земель, расширялось ремесленное производство. Складывались феодальные отношения, росло богатство знати. Укреплялась власть аланских царей, занимавших активную позицию в международных делах. Используя свой значительный военный потенциал и выгодное географическое положение, Алания успешно противостояла внешней агрессии и выступала посредником в договорах между соседними державами. По территории Алании были проложены трассы Великого шелкового пути. Участие в международной торговле ускорило экономическое, политическое и культурное развитие страны в VIII–IX вв. Аланские города стали превращаться в крупные центры ремесла и торговли. Установились тесные культурные связи и выгодные хозяйственные отношения со многими народами и государствами. Армянский автор IX в. Шапух Багратуни пишет об Алании: «Это страна, полная всяческих благ, коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и благородных камней».

The Caucasus remained the Fatherland of the Alans even after their northern plains had been seized by the Huns and the formidable waves of Turkic nomads superseding one another. The medieval authors called Central Caucasus «the Alanic Mountain» and stressed that the Alans, scattered all over Europe during the times of the Great Migration of peoples, were natives of the Caucasus. The territory of the Alans decreased considerably so that in the north it stretched only as far as the middle reaches of the Terek river which was then called «Alandon» (The Alanic River). The Highlands of Alania were situated between the Elbrus and the Kazbek mountains.

The 6th–7th centuries saw a rapid growth of economy and important social change. New settlements and fortresses were built, the cultivated land area expanded, manufacturing was increased. Feudal social relations were forming, the wealth of the nobility augmented. The power of the Alanic kings strengthened and enabled them to take an active part in international activities. Using its considerable military potential and beneficial geographical position, Alania successfully kept off foreign aggressors and acted as an intermediary power which helped the quarrelling neighbours to come to an agreement. The Great Silk Route lay through the territory of Alania. Participation in international trade speeded up the economic, political and cultural development of the country in the 8th – 9th centuries. The Alanic towns were turning into large manufacturing and trade centres. Close cultural relations and beneficial economic ties with many peoples and states were set up. Shapukh Bagratuni, an Armenian author of the 9th century wrote about Alania: «This is a country rich in horses, steel weapons tempered in reptile blood, hauberks and precious stones».

The items presented in the album were discovered in seven burial grounds: at the villages of Sadon (excavations by Z. P. Kadzaeva); at Arkhon and Dagom (excavations by E. Yu. Shestopalova) in the Alagir gorge; at Galiat in Digor gorge (excavations by M. E. Mamiev); at Oktjabrsky and Khaznidon (excavations by N. I. Gidzhrati) in the foothills and at Beslan in the plain. Since old times through these valleys situated along the Terek, Ardon and Uruk rivers the important military-strategic and caravan routes were laying. The diversity and richness of the

Представленные в альбоме предметы обнаружены при исследовании семи некрополей – Садонского (раскопки З. П. Кадзаевой), Архонского и Дагомского (раскопки Э. Ю. Шестопаловой) в Алагирском ущелье, Галиатского в Дигорском ущелье (раскопки М. Э. Мамиева), Октябрьского и Хазнидонского (раскопки Н. И. Гиджрати) в предгорьях и Бесланского на равнине. Через эти долины, расположенные по рекам Терек, Ардон, Урух, издревле проходили важные военно-стратегические и караванные дороги. Разнообразие и богатство инвентаря, оставленного местным населением, – хорошая иллюстрация культурных запросов и уровня благосостояния общества, включенного в систему евроазиатского сотрудничества и обмена. Примечательна активность, с которой горные области Алании были вовлечены в процессы хозяйственного и политического возрождения VI–VIII вв.

В аланских катакомбах Архона (VI–VIII вв.), Дагома (VII–VIII вв.) и Садона (VII – первая четверть VIII в.) много импорта – византийские и сасанидские монеты, фрагменты китайского и согдийского шелка, бусы с Ближнего Востока и Северной Европы. Беспрецедентной находкой является вырезанная из оникса голова льва в бронзовой оправе – она попала в Архон скорее всего из Ирана. Может быть, это трофей или награда аланского воина? Из дальних стран привезены и бусины-печатки: на одной изображен дельфин, на другой – звезда и полумесяц.

Впрочем, самое интересное в коллекции этого периода – произведения аланских мастеров. Убранство оружия и детали конского снаряжения, бусы из горного хрусталя и стекла с внутренним золочением и серебрением, изысканные ювелирные украшения говорят о зрелой художественной традиции и развитом ремесленном производстве. Живым наследием кобанской культуры являются приемы изготовления и формы амулетов, браслетов и зеркал. Золотые серьги, перстни, фибулы и нашивные бляшки демонстрируют умение мастеров следовать средиземноморской моде, сохраняя достижения и стилистику сармато-аланской ювелирной традиции.

Редкий по красоте комплекс золотых вещей, принадлежавших знатному воину, происходит из Архона: на поясном наборе с пряжкой и на обкладке ножен изображены птицы, фигурные накладки конской сбруи украшены раз-

inventory left by the local population is illustrative of the cultural demands and the wellbeing level of the society incorporated in the Euro-Asian system of cooperation and trade. It is also noteworthy that in the 6th–8th centuries the Highlands of Alania took a remarkably active part in the economic and political revival of the country.

In the Alanic catacombs of Arkhon (the 6th–8th centuries), Dagom (the 7th–8th centuries) and Sadon (the 7th–the first quarter of the 8th centuries) many imported goods were found – Byzantine and Sassanid coins, fragments of Chinese and Sogdian silk, beads from the Middle East and Northern Europe. One of the unique items discovered is the lion's head carved of onyx and set in bronze; most probably it had been brought to Arkhon from Iran. Could it have been a trophy or a reward given to an Alanic warrior? The seal beads had also come from far away countries: one of them features a dolphin, the other one shows a star and crescent.

However, the most interesting items of the collection of the period are those produced by the Alanic artisans. The armour and the details of horse harness, the items of carved wood, the rock crystal and glass beads plated with gold and silver, and the finely wrought jewels show a mature artistic tradition and well developed manufacturing technology. The live heritage of the Koban Culture is represented in the forms of the bronze amulets, mirrors and bracelets and the techniques used to produce them. The gold earrings, fingerings and plates to be sewn on are a fine demonstration of the craftsmen's skill and ability to follow the Mediterranean fashion and still keep up the original Sarmatian-Alanian tradition and style of jewelry making.

The set of gold things of rare beauty which belonged to a noble warrior was found in Arkhon: birds are featured on the buckled belt set and the sheath cover, the figured horse harness covers are decorated with various patterns. Certainly these were not merely things of luxury made to individual order by some outstanding artist. The gold horse decorations, the belt and ceremonial armour were common for the medieval culture and indicated the noble origin and high social standing of the rider. To say nothing of the significance of the horse and the weapons for the Alans' world picture, there is no doubt that the number of dangling belt straps and decorations of the belt set suggested the social rank of their owner. Even the more simple silver

нообразным орнаментом. Конечно, это не просто предметы роскоши, созданные выдающимся художником по индивидуальному заказу. Серебряные украшения конской узды, золотые накладки на пояс и парадное вооружение всадника – обычные для средневековой культуры показатели высокого происхождения и особого общественного статуса. Не говоря уже о значении коня и оружия в аланской картине мира, доподлинно известно, что хорошо понятный современникам социальный смысл имело число свисающих ремешков и украшений в поясном наборе. Нет сомнения: хозяева более скромных, серебряных поясов также принадлежали к благородному сословию.

Письменные источники, археологические факты и фольклорные свидетельства указывают на добычу в Алагирском ущелье – именно в Садоне – серебра, служившего материалом для ювелирного искусства. Из серебра сделаны и туалетные принадлежности аланских красавиц – эти наборы коробочек, ногтечисток и других столь же полезных вещей были распространены и в более позднее время.

АЛАНИЯ В X–XIV вв.

В средневековом мире Алания считалась очень богатой страной, аланские купцы были хорошо известны в странах Азии и Европы. Иностранцев удивляли плотность населения Алании и отсутствие невозделанных полей. В X в. арабский географ Масуди писал, что Алания «состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоют где-нибудь петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений». По словам Масуди, «аланский царь могуществен, мужествен, очень силен, ведет твердую политику среди царей». Царю подчинялись князья, правившие областями его государства. Аланская держава имела широкие внешнеполитические связи и активно влияла на международные отношения.

Христианство, знакомое аланам со времен проповеди Святого апостола Андрея Первозванного, в начале X в. стало государственной религией. Мусульманские общины известны в Алании с X в., с конца XIII в. ислам получил распространение среди городского населения Алании. Главная особенность духовной исто-

belts belonged to representatives of the nobility.

The written sources, archeological facts and folklore evidence indicate that in the Alagir gorge – namely in Sadon – silver was mined to make jewelry. Silver was also used to make toilet sets for the Alanian beauties. These sets of boxes, nail-cleaners and other useful things were common also later on.

ALANIA IN THE 10th–14th cc.

The medieval world knew Alania as a very rich country; the Alanian merchants were known in the countries of Asia and Europe. The density of the population and absence of uncultivated land amazed the foreigners. In the 10th century Massudi, an Arabian geographer, wrote that Alania «is an unbroken chain of settlements: when cocks start crowing somewhere other cocks' crowing comes from the other parts of the kingdom due to the strip farming and closeness of the settlements». According to Massudi, «the Alanian king is powerful, courageous, strong, and practices a firm and steady policy dealing with other kings». The princes who governed the provinces of the country were subordinate to the king. The Alanian power had broad political relations with many foreign countries and was really influential on the world arena.

Christianity known to the Alans since the sermon preached by the Saint Apostle Andrew (Andrei Pervozvanny), had become the official state religion by the beginning of the 10th century. The Muslim religion began to be practiced by the urban population of Alania at the close of the 13th century. The main peculiarity of the spiritual history of Alania-Ossetia consists in the preservation of the original Aryan faith which unites the people even now. Monotheism and the strict ritual canon with no official church organization enabled the people's folk faith not only to survive and peacefully coexist with Christianity and Islam, but also to naturally integrate the world faiths into one spiritual space. The remains of the mountain strongholds and castles of the Alanic aristocracy, as well as the ruins of the Alanic cities, uncovered by archeologists, manifest a shaped style of secular and municipal architecture. The Alanic Orthodox temples of the 10th – 14th centuries show the achievements of the church architecture and painting.

In the second half of the 12th century Alania

рии Алании-Осетии состоит в сохранении исконной арийской веры, донине объединяющей весь народ. Единобожие и строгий обрядовый канон, обходившиеся без церковной организации, позволили древней традиции не только мирно сосуществовать с христианством и исламом, но органично интегрировать мировые религии в единое духовное пространство.

Остатки горных крепостей и замков аланской аристократии, как и открытые археологами руины аланских городов, свидетельствуют о сформировавшихся стилях светской архитектуры и городской застройки. Памятниками церковного зодчества и живописи являются православные аланские храмы X–XIV вв.

Со второй половины XII в. в Алании начинается период феодальной раздробленности. Перестав подчиняться царской власти, враждовавшие княжества не сумели объединиться против монголо-татарских завоевателей, которые в 1238–1239 гг. захватили аланскую равнину. Лишь в конце XIV в. власть Золотой Орды пала – потерпев поражение в войне со среднеазиатским эмиром Тимуром, ордынцы ушли с Северного Кавказа. Однако походы 1394–1400 гг., в ходе которых армия Тимура razорила и горные области Алании, стали завершающим ударом в череде трагических событий XIII–XIV вв. В результате катастрофы, приведшей к массовому уничтожению населения и крушению государственности, вместе с городскими и монастырскими центрами была утрачена и средневековая аланская письменность. До наших дней дошли лишь несколько коротких надписей.

Материальная культура X–XIV вв. представлена в альбоме вещами из обширной коллекции, которая сформировалась в ходе исследования Змейского катакомбного могильника (раскопки Р. Ф. Фидарова, Н. И. Гиджраты, В. Л. Ростунова, Э. Ю. Шестопаловой). Этот хорошо известный в научном мире некрополь оставлен населением аланского города, располагавшегося на Верхнем Джулате, – одного из крупнейших в средневековой Алании центров городской культуры с развитым специализированным ремесленным производством, сложившимися художественными традициями, прочными торговыми связями.

Прославленные воины и наездники, аланы достигли совершенства и в ремеслах, производивших оружие и конское снаряжение. Выда-

starts on its period of feudal division. The ever quarrelling princes who no longer wished to submit to the king's authority, failed to unite against the Mongol-Tatar conquerors who seized the Alanian plains in 1238-1239. Only at the end of the 14th century did the Golden Horde Power fell: defeated in the war against the Middle Asian Emir – Timur, the Tartars left North Caucasus. Nevertheless the military campaigns of 1394-1400 in the course of which Timur's army ravaged and ruined even the Highlands of Alania were the most disastrous of all the tragic events, Alania had to live through in the 13th – 14th centuries. The catastrophe resulted in a mass extermination of the population and putting an end to the statehood. The destruction of the urban and cloistral centres also led to the loss of the medieval Alanic written language. Only a few short inscriptions have survived.

The material culture of the 10th – 14th centuries is represented in the Album by a large collection of items from the Zmeiskaya catacomb burial place (excavations by R. F. Fidarov, N. I. Gidzhirati, V. L. Rostunov, E. Yu. Shestopalova). This necropolis, well known to scholars, was left by the population of an Alanic city situated in Upper Djulat, one of the large centres of the urban culture of medieval Alania characterized by a developed and specialized handicraft production, well shaped artistic traditions, well established trade relations.

Famous as warriors and horse riders, the Alans also achieved perfection in manufacturing weapons and horse harness items. The outstanding technology and brilliance of the artistic decoration of the Alanic weapons have been dealt with in the special literature on the subject. The present Album includes the preserved samples of weapons, details of military outfit, saddles, horse head-dress.

Each of these items, along with their functional value, was essential for the religious-mythological perception of the world. The richly adorned horse harness and saddles with open-worked covers, bronze cover plates, topical scenes stamped on metal, as well as the horse burials accompanying the Alanic catacombs, are necessary attributes of the horse consecration ritual.

The superior quality and technological peculiarities of the jewelry and pottery from the Zmeiskaya necropolis support the idea expressed in the relevant literature that the Alanic craftsmen of the 10th – 14th centuries worked for a market, rather than for individual customers. The male

ющимся технологическим свойствам и блестящему художественному оформлению аланского оружия посвящена специальная литература. В альбом включены сохранившиеся образцы оружия, детали воинского облачения, седел, конского оголовья.

Каждая из этих вещей, помимо функционального предназначения, имела собственное место в религиозно-мифологической картине мира. Богато украшенная сбруя и седла с ажурными набойками и бронзовыми накладками, как и конские погребения, сопровождающие аланские катакомбы, – необходимые атрибуты обряда посвящения коня.

Высокое качество и технологические особенности ювелирных и гончарных изделий из Змейского некрополя подтверждают уже сделанный наукой вывод о том, что аланские мастера X–XIV вв. работали на рынок. Мужские поясные наборы и женские украшения, декоративные детали одежды, конской сбруи и кавалерийских седел демонстрируют достижения ювелиров, применявших технику чеканки, литья, гравировки, тиснения, амальгамной позолоты, черни, инкрустации, скани. Большинство вещей сделаны с использованием разных металлов (золота, серебра, бронзы) и целого набора сложных технологических приемов. Рельефную графику на металлических пластинах можно выделить как особый жанр изобразительного искусства.

Гончарное ремесло, продолжая традицию предшествующего времени, поднимает ее до уровня выверенных стандартов и дополняет новыми формами. Клейма в стиле сарматских тамг, некоторые особенности материала и исполнения отличают продукцию разных мастеров. Развивая свое производство, аланские гончары органично используют опыт соседних стран и образы собственной художественной культуры. Подлинными шедеврами являются керамические сосуды в виде птиц на трех ножках. Безупречное пластическое решение и графичность линий роднит эту фигурную посуду с другими жанрами аланского искусства, в том числе, например, с изображением птиц на золотой пряжке из Архона. Три ножки, возможно, подчеркивают ритуальное предназначение этих сосудов. Птица в осетинской религиозно-мифологической традиции олицетворяет обращение к Богу. Образ водоплавающей птицы в

belt set and female jewels, the adorned details of attire, the horse harness, the cavalry horse saddles demonstrate the achievements of the jewelers who applied the techniques of chasing, casting, engraving, stamping, amalgamated gilding, encrusting, yarning. Most of the items were made of different metals (gold, silver, bronze) and involved a highly complicated technology. The relief graphical images on metal plates can be brought out and specified as a separate genre of the fine arts.

The pottery, keeping up the tradition of the earlier times, raised it to the level of well adjusted standards and enriched it with new forms. The trade marks performed in the style of Sarmatian tamgha-symbols, some peculiarities of the material and the techniques used, distinguish the things made at different workshops. Developing their production the Alanic potters learned from the experience of the neighbouring countries and the images inherent in their own artistic tradition. The bird-shaped ceramic vessels on three legs are real masterpieces. Their irreproachable plastic refinement and graphical clarity bring the figured tableware item close to the other genres of the Alanic art, including, for instance, the birds featured on the gold buckle from Arkhon. The three legs probably indicate the ritual purpose of these vessels. In the Ossetic religious-mythological tradition the bird symbolizes an appeal to God. The image of a swimming bird in the Ossetic tradition, as well as in the tradition of all Aryans, indicates a connection with the three cosmic zones – the upper, middle and lower worlds. The cosmological motifs are easily discernable in the sophisticated patterned ornaments on the attire and items of armour. The ornaments are based on the spacial model of the Universe and the digital code of the Alanic Culture (one centre, the three cosmic zones, the four parts of the world, the eight petals of the World Tree or the eight summits of the World Mountain on the coat of arms).

The garments were also adorned with sewn on bronze plates with insets and pendant little bells. The breast little bells used to be placed in vertical rows set which looked like the gazyrts (breast cartridges for powder charges) of a later period. Obviously it is to this type of decorations that the functional Caucasian gazyrts go back.

Imported items were used by urban dwellers in everyday life suggesting the high rank of their owners. The glass and glazed vessels, beads with

скифской культуре, как и у всех ариев, указывает на связь между тремя зонами космоса – верхним, средним и нижним миром.

Космологические мотивы легко распознаются в изысканных орнаментальных узорах на предметах вооружения. В основе орнаментов – пространственная модель космоса с числовым кодом аланской культуры (единый центр, три зоны космоса, четыре стороны света, восемь лепестков мирового древа или вершин мировой горы на гербе).

Одежду украшали также золочеными бронзовыми нашивками с декоративными вставками и подвешенными бубенчиками. Нагрудные бубенчики располагались рядами наподобие позднейших газырей. Очевидно, функциональные кавказские газыри (футляры для порохового заряда) восходят именно к этому типу украшений.

Частью повседневной жизни и престижной городской культуры были импортные вещи. Стекланные и глазурованные сосуды, глазчатые бусы, стекланные браслеты, парфюмерные принадлежности свидетельствуют о торговле со странами Восточного Средиземноморья и Закавказья.

Алания-Осетия позднего средневековья – несколько самоуправляющихся земель-областей, выживших в тяжелой борьбе за существование. Трехвековое затворничество не могло не сказаться на темпах поступательного развития небольшой горной страны. В то же время самозащитный консерватизм оказался спасительным для накопленного народом духовного опыта, который обеспечил сохранение в эпосе, мифологии и религии осетин древнейших черт, утраченных многими другими индоевропейскими и иранскими народами. Пронесенная сквозь века живая художественная традиция связывала прошлое осетинской культуры с настоящим и будущим, защищая суровые критерии красоты, этический смысл искусства и гармонию отношений общества с природой – принципы, которые продолжают оставаться основой современной национальной культуры.

Профессор Р. С. Бзаров

eyelike saliences, glass bracelets, perfume sets are indicative of the trade relations with the East Mediterranean and Transcaucasian countries.

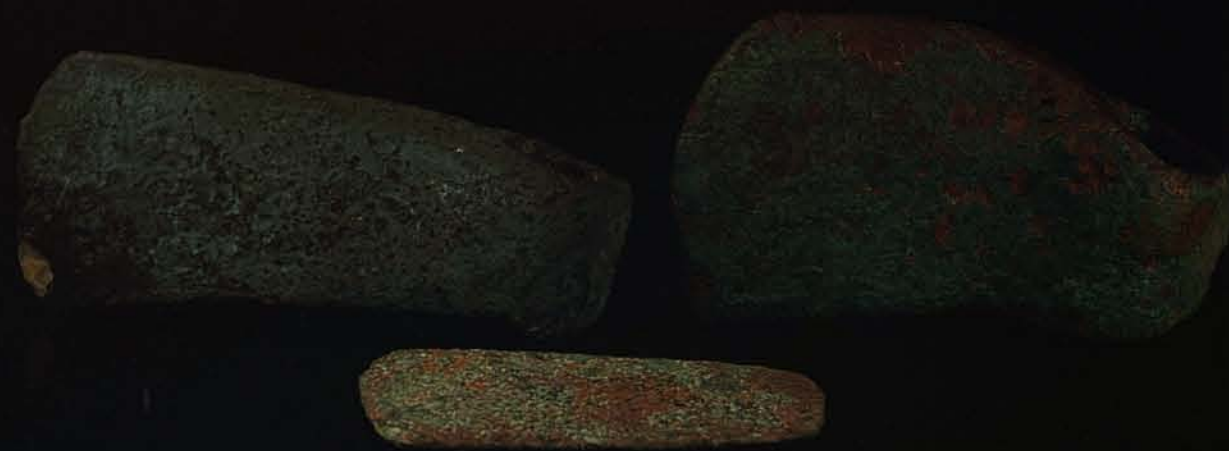
Alania-Ossetia of the late Middle Ages actually comprised several isolated self-governed provinces struggling hard to survive. The seclusion which had lasted for three hundred years could not but adversely affect the development rate of the small mountainous country. At the same time the salutary conservatism, natural for the people, enabled them to preserve their cultural wealth, so that the epic, mythology and religion of the Ossets of today still treasure the most ancient traits and features lost by many other Indo-European and Iranian peoples. The living artistic tradition of the people, carried on for centuries, brought together the past of the Ossetic Culture with its present and future, keeping the severe criteria of beauty, the ethical message of the art and the harmony between society and nature – the principles which are still fundamental for the national culture of the Ossets of today.

Professor R. S. Bzarov

1. Нагрудные украшения. Бляха-медальон с солярными знаками и пронизи-привески.
Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального Кавказа.
Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
Бронза. Медальон D – 6,7 см

1. Breast decorations. Disk-medallion with solar symbols, thread of beads and pendants.
Culture of Middle Bronze Age tribes of Central Caucasus Foothills.
End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
Bronze. Medallion D – 6,7 cm

a	b
c	

2a, b, c. Топоры и тесло.
a. Куро-араксская (топор новосвободнинского типа слева);
b, c. Майкопская культура раннего бронзового века.
 Конец IV – середина III тыс. до н. э. Бронза. Тесло L – 8,5 см

2a, b, c. Axes and adze.
a. Kura-Aras (Novosvobodninsk type left axe);
b, c. Maykop Early Bronze Age cultures.
 End of 4th – middle of 3rd Millennium BC. Bronze. Adze L – 8,5 cm

3. Топор.
 Поздний этап куро-араксской культуры – культура племен
 среднего бронзового века предгорий Центрального Кавказа.
 Середина – последняя треть III тыс. до н. э. Бронза. L – 11,8 см

3. Ахе.
 Late stage of Kura-Aras culture – culture of Middle Bronze Age
 tribes of Central Caucasus Foothills.
 Middle – last third of 3rd Millennium BC. Bronze. L – 11,8 cm

a
b

4a, b. Булавки.
a. Т-образная булавка. Поздний этап куро-араксской культуры.
 Середина – вторая половина III тыс. до н. э. Бронза. L – 32 см;
b. Молоточковидная булавка. Культура племен
 среднего бронзового века предгорий Центрального Кавказа.
 Середина – вторая половина III тыс. до н. э. Бронза. L – 11,8 см

4a, b. Pins.
a. T-shaped pin. Late stage of Kura-Aras culture.
 Middle – last third of 3rd Millennium BC. Bronze. L – 32 cm;
b. Hammer-like pin. Culture of Middle Bronze Age tribes of Central
 Caucasus Foothills. Middle – second half of 3rd Millennium BC.
 Bronze. L – 11,8 cm

5. У-образная булавка.
 Культура племен среднего бронзового века
 предгорий Центрального Кавказа.
 Последняя треть III – первая треть II тыс. до н. э.
 Бронза. L – 17,5 см

5. V-shaped pin.
 Culture of Middle Bronze Age
 tribes of Central Caucasus Foothills.
 Last third of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Bronze. L – 17,5 cm

a
b

6a, b. Курильница (культовая чаша для ритуального сожжения растений и пыльцы).

Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального и Западного Кавказа. Вторая половина III тыс. до н. э.
Керамика. H – 6,8 см;
b. Деталь

6a, b. Incense-burner (cultic bowl for ritual burning plants and pollen).

Culture of Middle Bronze Age tribes of Central and West Caucasus Foothills. Second half of 3rd Millennium BC.
Ceramics. H – 6,8 cm;
b. Detail

7. Каменное навершие ритуальной булавы.
Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального и Западного Кавказа. Последняя треть III – первая треть II тыс. до н. э.
Мраморизованный известняк. D – 4,8 см

7. Stone cap of ritual mace.
Culture of Middle Bronze Age tribes of Central and West Caucasus Foothills. Last third of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
Marble limestone. D – 4,8 cm

8a, b. Каменная мотыга.
Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального и Западного Кавказа. Середина – вторая половина III тыс. до н. э.
Серпентинит. L – 15 см; **b.** Деталь

8a, b. Stone mattock.
Culture of Middle Bronze Age tribes of Central and West Caucasus Foothills. Middle – second half of 3rd Millennium BC.
Serpentinite. L – 15 cm; **b.** Detail

a
b

a
b

9а, в. 10а, в. Каменные парадно-боевые топоры.
Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального и Западного Кавказа.
Последняя треть III – первая треть II тыс. до н. э. Серпентинит.
9. L – 12,5 см; в. Деталь.
10. L – 13,8 см; в. Деталь

a
b

9a, b. 10a, b. Stone ceremonial-battle axes.
Culture of Middle Bronze Age tribes of Central and West Caucasus Foothills.
Last third of 3rd – first third of 2nd Millennium BC. Serpentinite.
9. L – 12,5 cm; b. Detail.
10. L – 13,8 cm; b. Detail

a
b

11a, b. 12a, b. Каменные парадно-боевые топоры кабардино-пятигорского типа.
Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального и Западного Кавказа.
Последняя треть III – первая треть II тыс. до н. э.
11. L – 11,9 см; **b.** Деталь.
12. L – 11,6 см; **b.** Деталь

a
b

11a, b. 12a, b. Stone ceremonial-battle axes Kabarda-Pyatigorsk type.
Culture of Middle Bronze Age and tribes of Central and West Caucasus Foothills.
Last third of the 3rd – first third of the 2nd Millennium BC.
11. L – 11,9 cm; **b.** Detail.
12. L – 11,6 cm; **b.** Detail

13, 14. Нагрудные украшения. Бляхи-медальоны с солярными знаками и пронизи-привески.
 Культура племен среднего бронзового века предгорий
 Центрального Кавказа. Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
 Бронза. Медальоны:
 13. D – 4,1 см;
 14. Центральный D – 6,1 см

13, 14. Breast decorations. Disk-medallions with solar symbols, thread of beads and pendants.
 Culture of Middle Bronze Age tribes of Central Caucasus Foothills.
 End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Bronze. Medallions:
 13. D – 4,1 cm;
 14. Central D – 6,1 cm

15. Нагрудные украшения. Бляха-медальон, пронизи-привески с солярными знаками, пронизи.
 Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального Кавказа.
 Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
 Бронза. Медальон D – 2,4 см

15. Breast decorations. Disk-medallion, thread of beads with solar symbols and pendants.
 Culture of Middle Bronze Age tribes of Central Caucasus Foothills.
 End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Bronze. Medallion D – 2,4 cm

16. Бусины и привески.
 Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального Кавказа. Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
 Бронза. Привески к бусам L – 2,7 см

16. Beads and pendants.
 Culture of Middle Bronze Age tribes of Central Caucasus Foothills. End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Bronze. Pendants with beads L – 2,7 cm

17, 18. Бляхи выпуклые с солярными знаками (умбоны?).
 Культура племен среднего бронзового века предгорий Центрального Кавказа.
 Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
 Бронза. 17. D – 7,6 см; 18. D – 6,6 см

17, 18. Convex pendants with solar symbols (umbo?).
 Culture of Middle Bronze Age tribes of Central Caucasus Foothills.
 End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Bronze. 17. D – 7,6 cm; 18. D – 6,6 cm

19а, в. Многомолоточковидные булавки.
 Культура племен среднего бронзового века
 предгорий Центрального Кавказа.
 Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
 Бронза. **а.** L – 17,5 см; **в.** L – 21,3 см

19a, b. Manyhammers-type pins.
 Culture of Middle Bronze Age
 tribes of Central Caucasus Foothills.
 End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Bronze. **a.** L – 17,5 cm; **b.** L – 21,3 cm

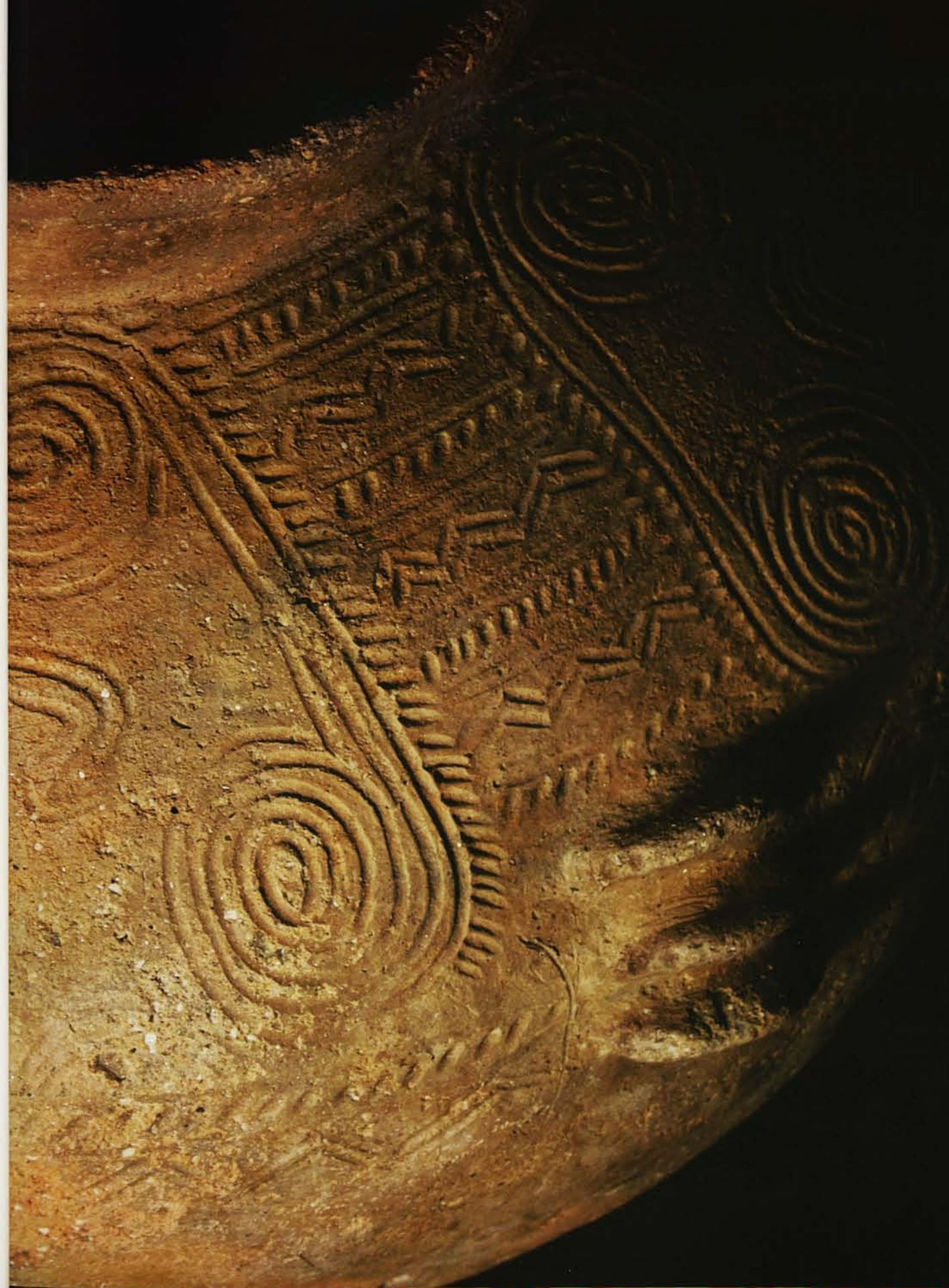
20а, в. Подвеска и височные подвески.
 Культура племен среднего бронзового века
 предгорий Центрального Кавказа.
 Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
а. Привеска строенная. Бронза. L – 6,9 см;
в. Височные привески. Серебро. D – 1,6; 2; 2,3 см

20a, b. Pendant triple and temporal pendants.
 Culture of Middle Bronze Age tribes
 of Central Caucasus Foothills.
 End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
a. Pendant triple. Bronze. L – 6,9 cm;
b. Temporal pendants. Silver. D – 1,6; 2; 2,3 cm

21. Сосуд.
 Культура племен среднего бронзового века
 предгорий Центрального Кавказа.
 Конец III – первая треть II тыс. до н. э.
 Керамика. H – 43,6 см

21. Vessel.
 Culture of Middle Bronze Age tribes
 of Central Caucasus Foothills.
 End of 3rd – first third of 2nd Millennium BC.
 Ceramics. H – 43,6 cm

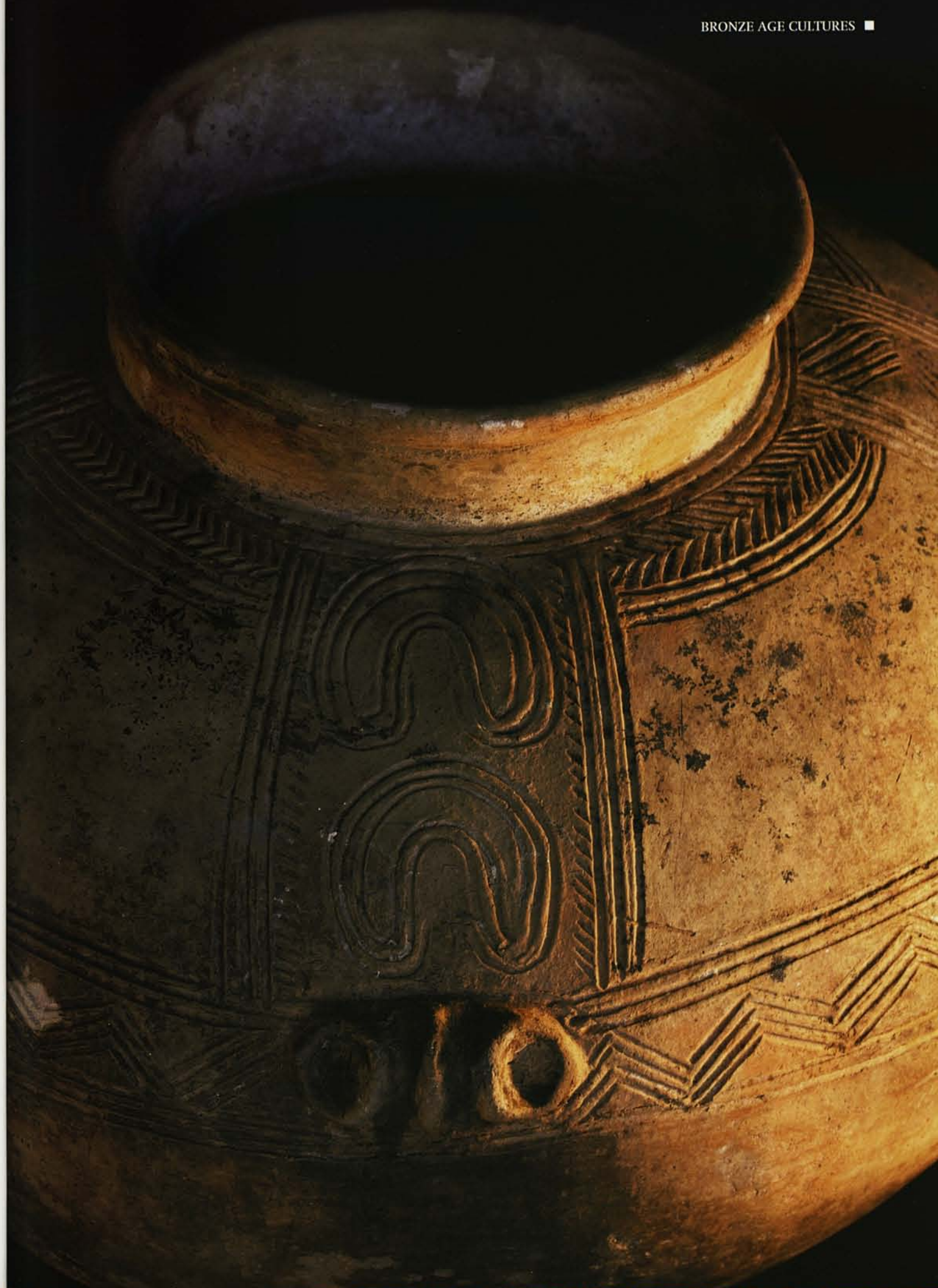
a b

<p>22a, b. Сосуд. Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. H – 25 см; b. Деталь</p>	<p>22a, b. Vessel. Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of 2nd Millennium BC. Ceramics. H – 25 cm; b. Detail</p>
---	---

a b

<p>23a, b. Соуд. Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. Н – 37 см; b. Деталь</p>	<p>23a, b. Vessel. Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of 2nd Millennium BC. Ceramics. H – 37 cm; b. Detail</p>
--	---

a b

<p>24a, b. Сосуд. Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. II – 41,8 см; b. Деталь</p>	<p>24a, b. Vessel. Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of the 2nd Millennium BC. Ceramic. II – 41,8 cm; b. Detail</p>
---	--

25-28. Сосуды.

Предкавказская катакомбная культура.

Начало – первая треть II тыс. до н. э.

Керамика.

25. H – 22 см; 26. H – 10,4 см; 27. H – 12,4 см; 28. H – 13,7 см

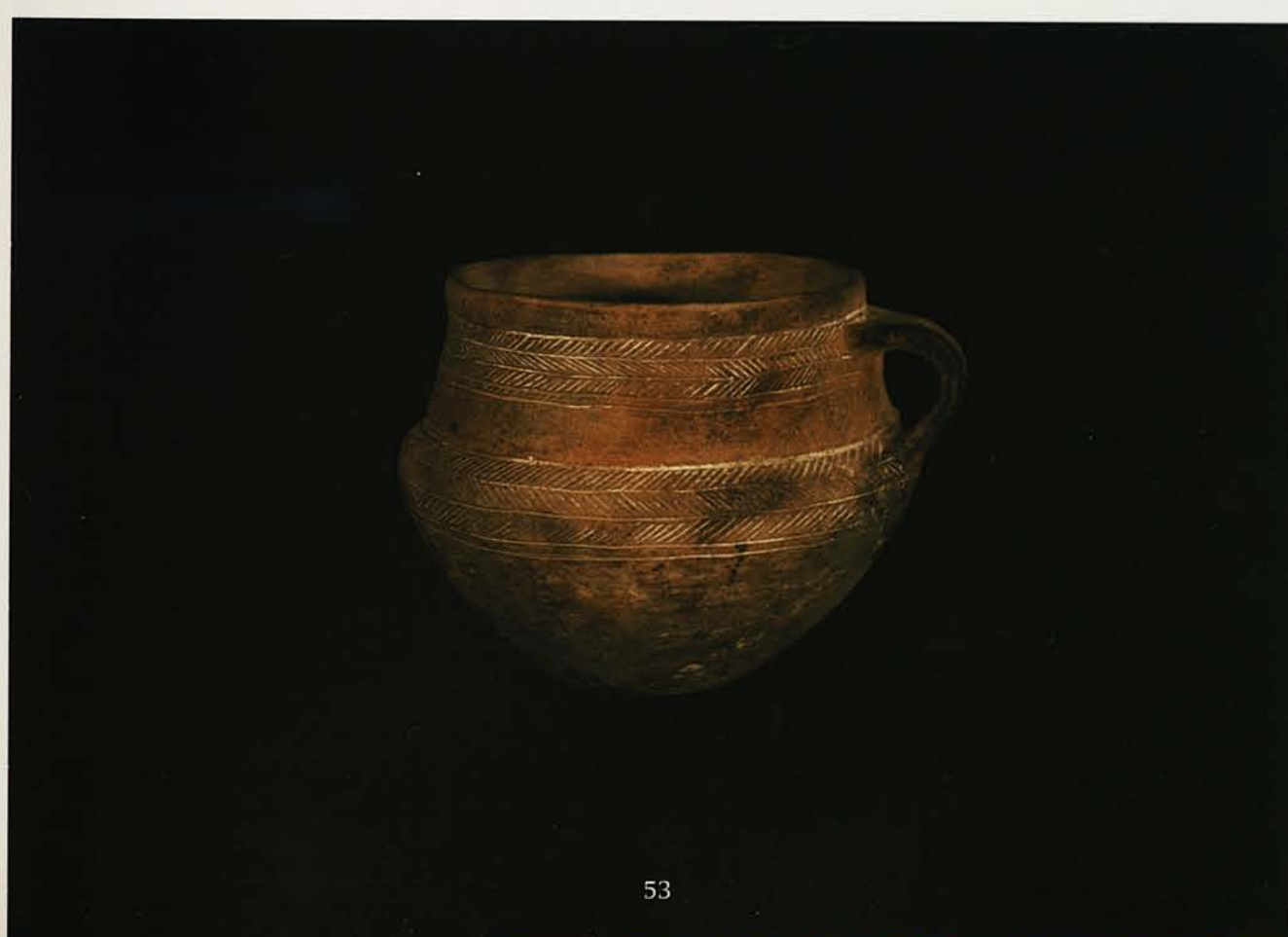
25-28. Vessels.

Ciscaucasian catacomb culture.

Beginning – first third of 2nd Millennium BC.

Ceramics.

25. H – 22 cm; 26. H – 10,4 cm; 27. H – 12,4 cm; 28. H – 13,7 cm

a
b

29а, б. Курильница (культовая чаша для ритуального сожжения растений и пыльцы). Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. а, б. Н – 7,8 см; б. Деталь

29a, b. Incense-burner (cultic bowl for ritual burning of plants and pollen). Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of 2nd Millennium BC. Ceramics. a, b. H – 7,8 cm; b. Detail

a
b

30а, б. Курильница (культовая чаша для ритуального сожжения растений и пыльцы). Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. а, б. Н – 5,3 см; б. Деталь

30a, b. Incense-burner (cultic bowl for ritual burning of plants and pollen). Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of 2nd Millennium BC. Ceramics. a, b. H – 5,3 cm; b. Detail

a
b

31а, б. Курильница (культовая чаша для ритуального сожжения растений и пыльцы). Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. а, б. Н – 8 см; б. Деталь

31а, б. Incense-burner (cultic bowl for ritual burning of plants and pollen). Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of 2nd Millennium BC. Ceramics. а, б. Н – 8 cm; б. Detail

a
b

32а, б. Курильница (культовая чаша для ритуального сожжения растений и пыльцы). Предкавказская катакомбная культура. Начало – первая треть II тыс. до н. э. Керамика. а, б. Н – 10 см; б. Деталь

32а, б. Incense-burner (cultic bowl for ritual burning of plants and pollen). Ciscaucasian catacomb culture. Beginning – first third of 2nd Millennium BC. Ceramics. а, б. Н – 10 cm; б. Detail

a
b

33a, b. Ритуальный сосуд.
Предкавказская катакомбная культура.
Начало – первая треть II тыс. до н. э.
Керамика. Н – 7,1 см;
b. Деталь

33. Ritual vessel.
Ciscaucasian catacomb culture.
Beginning – first third of 2nd Millennium BC.
Ceramics. H – 7,1 cm;
b. Detail

34. Кружка.
Предкавказская катакомбная культура.
Начало – первая треть II тыс. до н. э.
Керамика. Н – 7,1 см

34. Mug.
Ciscaucasian catacomb culture.
Beginning – first third of 2nd Millennium BC.
Ceramics. H – 7,1 cm

35. Колеса от модели повозки.
Предкавказская катакомбная культура.
Начало – первая треть II тыс. до н. э.
Керамика. D – 14,7–15,8 см

35. Wheels of wagon-model.
Ciscaucasian catacomb culture.
Beginning – first third of 2nd Millennium BC.
Ceramics. D – 14,7–15,8 cm

36. Привеска – голова барана.
IX–VIII вв. до н. э. Бронза. L – 7,5 см

36. Pendant – ram's head.
9th–8th cc. BC. Bronze. L – 7,5 cm

37a, b. Булавки. | **37a, b. Pins.**
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. **a.** L – 12 см; **b.** L – 13,5 см | 14th–12th cc. BC. Bronze. **a.** L – 12 cm; **b.** L – 13,5 cm

38a, b. Навершие булавы. | **38a, b. Mace cap.**
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. H – 5,2 см; **b.** Деталь | 14th–12th cc. BC. Bronze. H – 5,2 cm; **b.** Detail

39. Привеска в виде секиры. | **39. Pole-axe-shaped pendant.**
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 5,6 см | 14th–12th cc. BC. Bronze. L – 5,6 cm

40a, b. Секира. | **40a, b. Pole-axe.**
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 16,4 см; **b.** Деталь | 14th–12th cc. BC. Bronze. L – 16,4 cm; **b.** Detail

41a, b. Кинжал.
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 30 см.
b. Навершие рукоятки

41a, b. Dagger.
14th–12th cc. BC. Bronze. L – 30 cm.
b. Handle cap

42. Кинжал со скульптурным навершием рукоятки.
XIV–XII вв. до н. э.
Бронза. L – 35,4 см

42. Dagger with sculptural handle cap.
14th–12th cc. BC. Bronze.
L – 35,4 cm

a

b

c

43a – d. Скульптурное навершие рукоятки кинжала – пара всадников | 43a – d. Sculptural cap of a dagger handle – a couple of riders

d

44. Наконечник копья. | 44. Spearhead.
XIV–XII вв. до н. э. | 14th–12th cc. BC.
Бронза. L – 43,5 см | Bronze. L – 43,5 cm

45. Наконечник дротика. | 45. Javelin point.
XIV–XII вв. до н. э. | 14th–12th cc. BC.
Бронза. L – 21,7 см | Bronze. L – 21,7 cm

46. Клововидная секира. | 46. Beak-shaped pole-axe.
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 32,2 см | 14th–12th cc. BC. Bronze. L – 32,2 cm

47. Клововидная секира. | 47. Beak-shaped pole-axe.
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 23 см | 14th–12th cc. BC. Bronze. L – 23 cm

a b

48a, b, c. Секира. | 48a, b, c. Pole-axe.
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 18,6 см; b, c. Детали | 14th–12th cc. BC. Bronze. L – 18,6 cm; b, c. Details

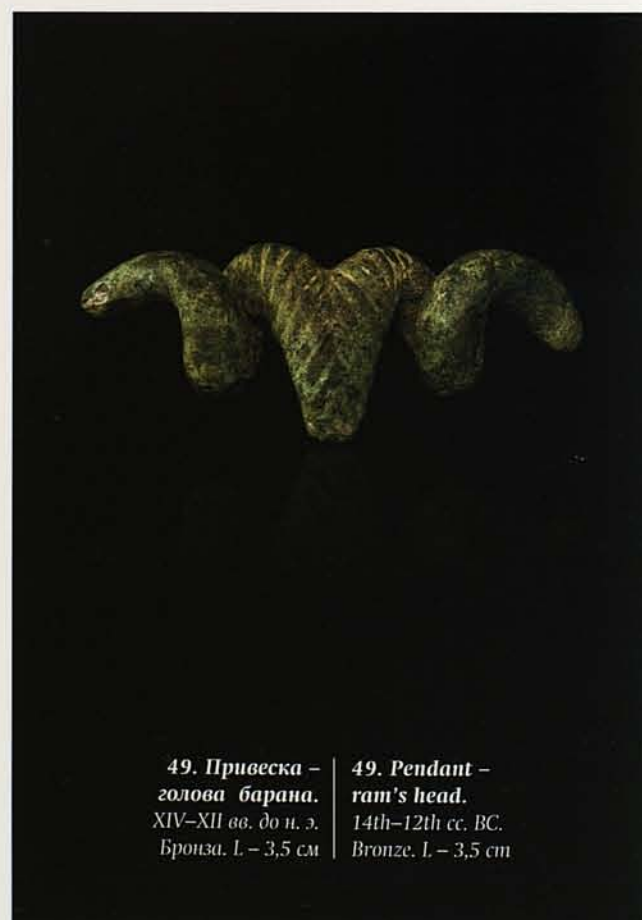
a

50a, b. Ритуальная привеска «Фарн» (баран с секировидными крыльями). | 50a, b. Ritual pendant "Farn" (ram with pole-axe-shaped wings).
XIV–X вв. до н. э. Бронза. L – 12 см; | 14th–10th cc. BC. Bronze. L – 12 cm;
b. Деталь | b. Detail

c

49. Привеска – голова барана. | 49. Pendant – ram's head.
XIV–XII вв. до н. э. Бронза. L – 3,5 см | 14th–12th cc. BC. Bronze. L – 3,5 cm

b

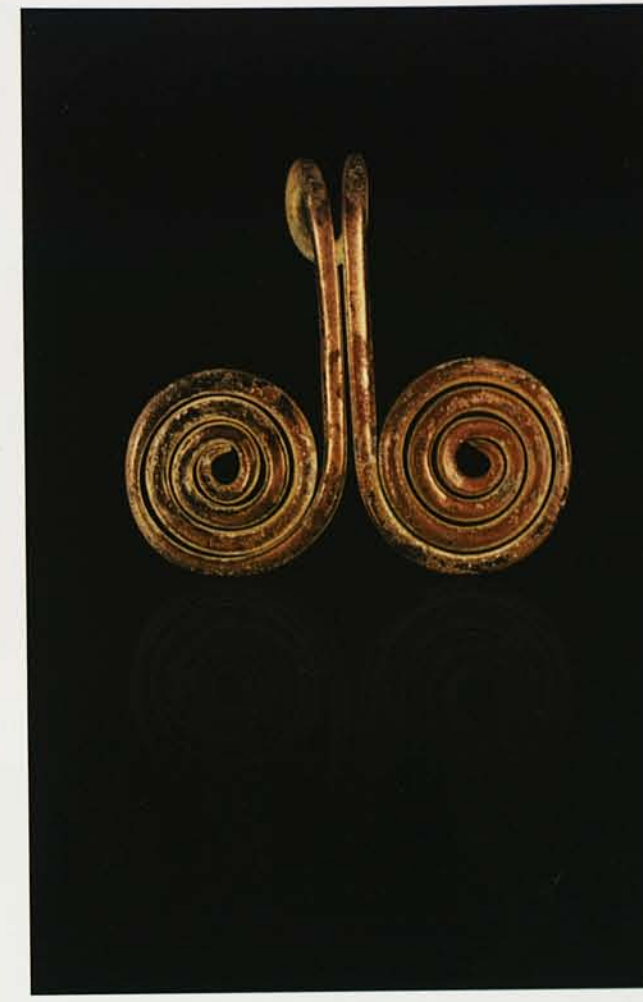
51. Наконечник копья. | **51. Spearhead.**
XIV–X вв. до н. э. | 14th–10th cc. BC.
Бронза. L – 27,4 см | Bronze. L – 27,4 cm

52. Клинок меча. | **52. Sword blade.**
XIV–X вв. до н. э. | 14th–10th cc. BC.
Бронза. L – 29,5 см | Bronze. L – 29,5 cm

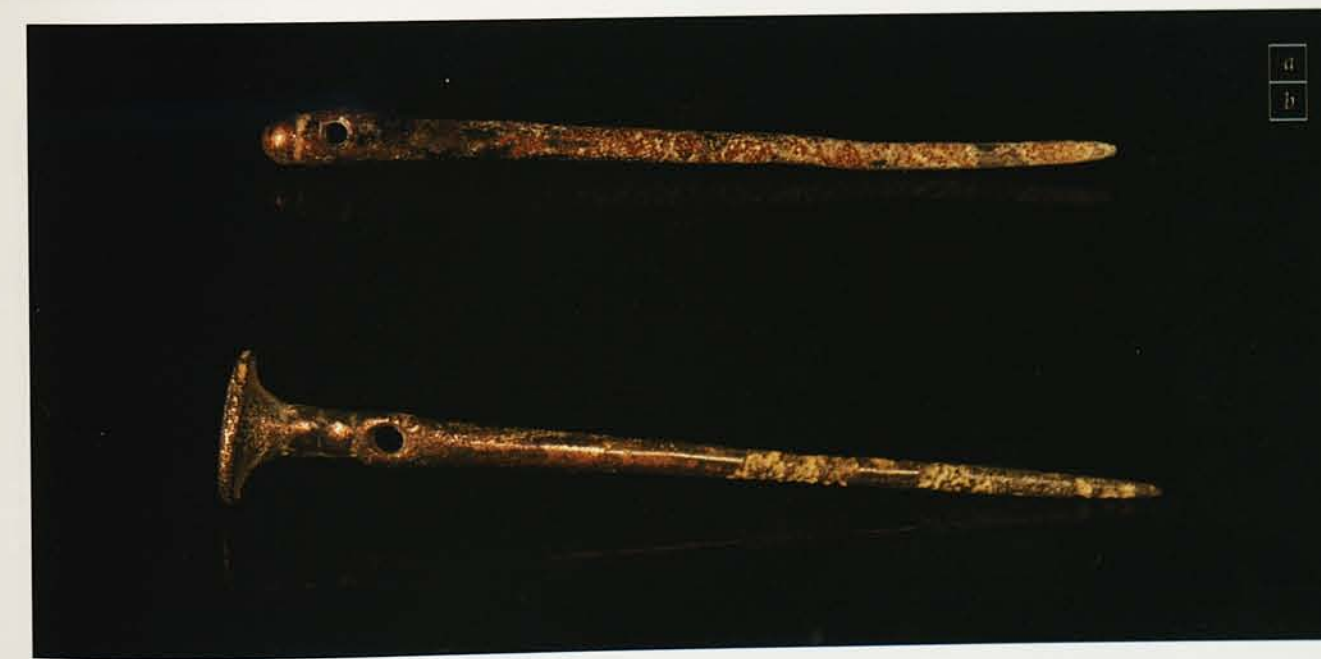
54. Браслеты. | **54. Bracelets.**
XIV–XIII вв. до н. э. | 14th–13th cc. BC.
Бронза. L – 6–6,1 см | Bronze. L – 6–6,1 cm

55. Поясная пряжка. | **55. Belt buckle.**
XIV–XIII вв. до н. э. | 14th–13th cc. BC.
Бронза. L – 11,5 см | Bronze. L – 11,5 cm

53a, b, c. Булавки. | **53a, b, c. Pins.**
XIV–XIII вв. до н. э. Бронза. | 14th–13th cc. BC. Bronze.
a. L – 13 см; b. L – 26,1 см; c. L – 26,5 см | a. L – 13 cm; b. L – 26,1 cm; c. L – 26,5 cm

56a, b. Булавки. | **56a, b. Pins.**
XIV–XIII вв. до н. э. | 14th–13th cc. BC.
Бронза. a. L – 11,3 см; b. L – 16,1 см | Bronze. a. L – 11,3 cm; b. L – 16,1 cm

57. Протома быка. | 57. Bull's front part.
XII–IX вв. до н. э. Бронза. L – 6,7 см | 12th–9th cc. BC. Bronze. L – 6,7 cm

58. Клинок кинжала. | 58. Dagger blade.
XII–IX вв. до н. э. Бронза. L – 29,8 см | 12th–9th cc. BC. Bronze. L – 29,8 cm

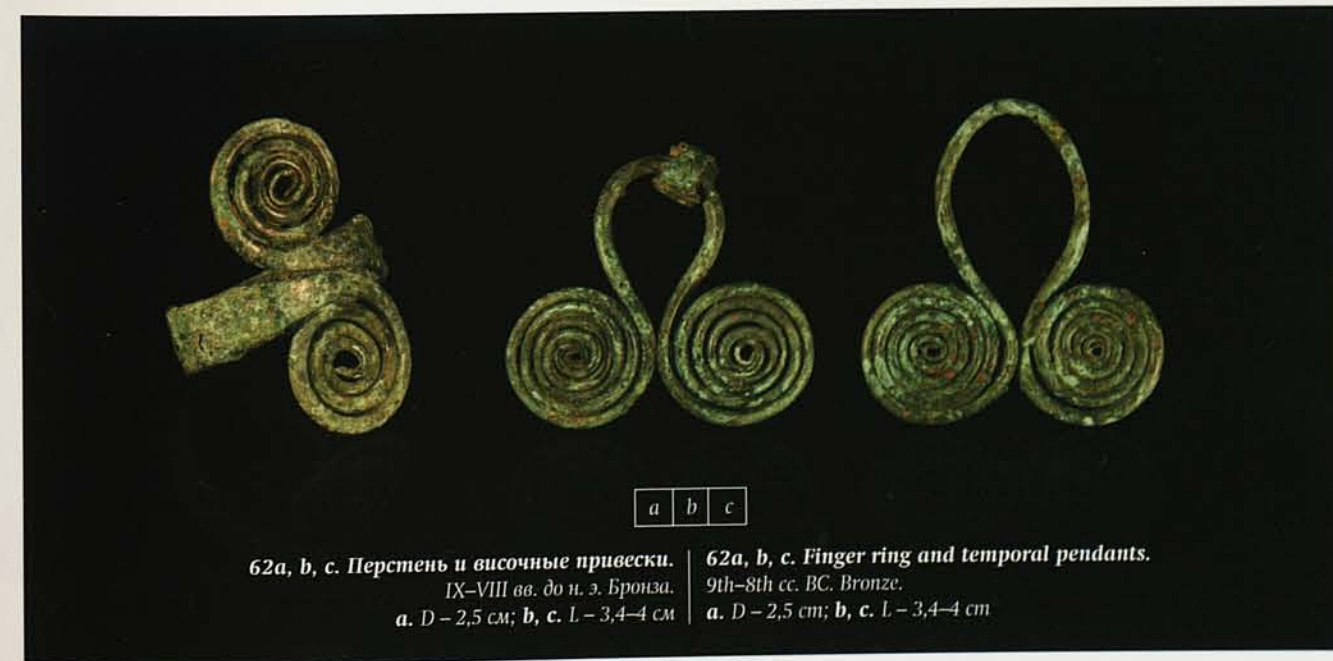
59а, б. Браслеты. | 59а, б. Bracelets.
IX–VIII вв. до н. э. Бронза. D – 6,2 см | 9th–8th cc. BC. Bronze. D – 6,2 cm

60. Зооморфная привеска. | 60. Zoomorphic pendant.
IX–VIII вв. до н. э. Бронза. L – 4 см | 9th–8th cc. BC. Bronze. L – 4 cm

61. Кинжал цельнолитой. | 61. Unit-cast dagger.
IX–VIII вв. до н. э. Бронза. L – 30,3 см | 9th–8th cc. BC. Bronze. L – 30,3 cm

62а, б, с. Перстень и височные привески. | 62а, б, с. Finger ring and temporal pendants.
IX–VIII вв. до н. э. Бронза. | 9th–8th cc. BC. Bronze.
а. D – 2,5 см; б, с. L – 3,4–4 см | а. D – 2,5 cm; б, с. L – 3,4–4 cm

63. Когтевидная привеска. | **63. Claw-shaped pendant.**
IX-VII вв. до н. э. | 9th-7th cc. BC.
Бронза. L - 4,2 см | Bronze. L - 4,2 cm

64. Привеска в виде кисти руки. | **64. Hand-shaped pendant.**
IX-VIII вв. до н. э. | 9th-8th cc. BC.
Бронза. L - 4,5 см | Bronze. L - 4,5 cm

66. Гривна. | **66. Torque.**
IX-VIII вв. до н. э. | 9th-8th cc. BC.
Бронза. D max - 12,7 см | Bronze. D max - 12,7 cm

67. Фибула дуговидная. | **67. Arcuate fibula.**
IX-VIII вв. до н. э. | 9th-8th cc. BC.
Бронза. L - 9,5 см | Bronze. L - 9,5 cm

65. Птицевидные привески. | **65. Bird-shaped pendants.**
IX-VIII вв. до н. э. Бронза. H - 3,2-4,5 см | 9th-8th cc. BC. Bronze. H - 3,2-4,5 cm

68. Крестовидные привески. | **68. Cross-shaped pendants.**
IX-VIII вв. до н. э. Бронза. 2,5 x 2,3 см | 9th-8th cc. BC. Bronze. 2,5 x 2,3 cm

69. Бусы. | **69. Beads.**
IX–VIII вв. до н. э. | 9th–8th cc. BC.
Сердолик. D – 0,5–1,6 см | Cornelian. D – 0,5–1,6 cm

70а, б. Пуговицы. | **70а, б. Buttons.**
IX–VIII вв. до н. э. | 9th–8th cc. BC.
Сурьма. D – 1–2,1 см | Antimony. D – 1–2,1 cm

71. Накосник. | **71. A spiral decoration for plaits.**
IX–VIII вв. до н. э. | 9th–8th cc. BC.
Бронза. L – 25 см | Bronze. L – 25 cm

72. Налокотник. | **72. Armlet.**
IX–VIII вв. до н. э. | 9th–8th cc. BC.
Бронза. L – 11,3 см | Bronze. L – 11,3 cm

73. Привеска. | **73. Pendant.**
IX–VII вв. до н. э. | 9th–7th cc. BC.
Бронза. 4,9 x 4,6 см | Bronze. 4,9 x 4,6 cm

74. Привеска-распределитель. | **74. Pendant-dispenser.**
IX–VIII вв. до н. э. | 9th–8th cc. BC.
Бронза. L – 6,3 см | Bronze. L – 6,3 cm

75. Стилизованная фигурка барана. | **75. Stylized figurine of a ram.**
IX–VII вв. до н. э. | 9th–7th cc. BC.
Бронза. 5,1 x 1,6 см | Bronze. 5,1 x 1,6 cm

a b

76a - d. Пряжки поясные, инкрустированные железом.
X–IX вв. до н. э. Бронза.
a. l. – 22,5 см;
b, c. – детали;
d. l. – 22 см

c d

76a - d. Belt buckles encrusted with iron.
10th–9th cc. BC. Bronze.
a. l. – 22,5 cm;
b, c. – details;
d. l. – 22 cm

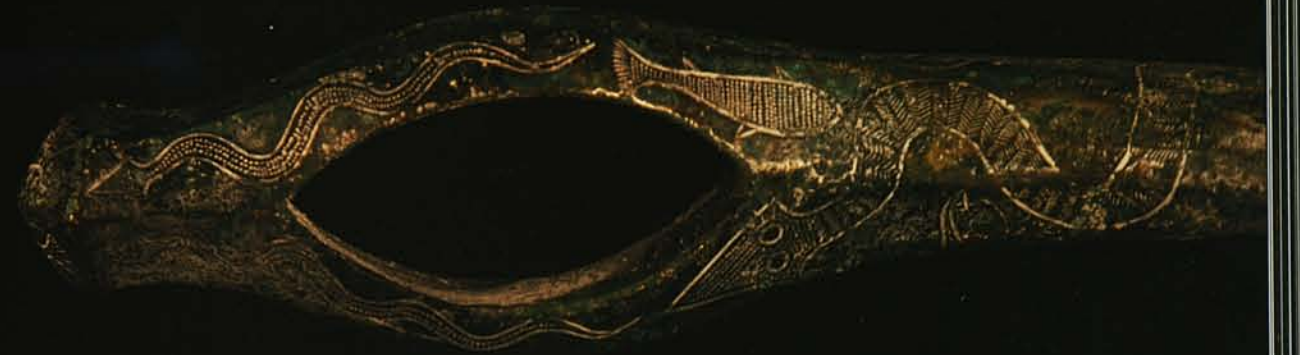

a
b

77 а - д. Парадно-боевой топор.
IX-VII вв. до н. э.
Бронза. L - 17,5 см

c
d

77 а - d. Ceremonial-battle axe.
9th-7th cc. BC.
Bronze. L - 17,5 cm

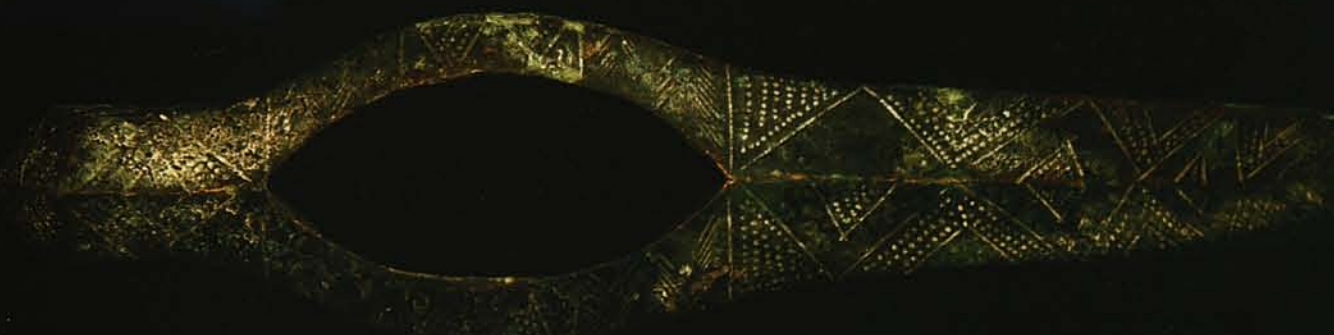
a
b

78 a - d. Парадно-боевой топор.
IX-VII вв. до н. э.
Бронза. L - 19,8 см

c
d

78 a - d. Ceremonial-battle axe.
9th-7th cc. BC.
Bronze. L - 19,8 cm

79. Корчага. IX–VIII вв. до н. э.
Керамика (лощение). Н – 25,2 см

79. Pot. 9th–8th cc. BC.
Ceramics (glossed). Н – 25,2 cm

81. Корчага. IX–VIII вв. до н. э.
Керамика (лощение, задымление). Н – 34,2 см

81. Pot. 9th–8th cc. BC.
Ceramics (glossed, smoked). Н – 34,2 cm

80a, b, c. Кружки, чарка. IX–VIII вв. до н. э.
Керамика (лощение, задымление).
a. Н – 12,7 см; b. Н – 8,3 см; c. Н – 6,7 см

80a, b, c. Mugs. 9th–8th cc. BC.
Ceramics (glossed, smoked).
a. Н – 12,7 cm; b. Н – 8,3 cm; c. Н – 6,7 cm

82a, b. Кружки с зооморфными ручками. IX–VI вв. до н. э.
Бронза. a. Н – 11 см; b. Н – 10,4 см

82a, b. Mugs with zoomorphic handles. 9th–6th cc. BC.
Bronze. a. Н – 11 cm; b. Н – 10,4 cm

83a - d. Удила подвижные с зооморфными псалями.
VIII-VII вв. до н. э. Бронза. L - 20 см;
b, c, d. Детали

a
b

83a - d. Mobile bits with cheek-pieces decorated with zoomorphic ends.
8th-7th cc. BC. Bronze. L - 20 cm;
b, c, d. Details

c
d

84. Фибула дуговидная.
VIII-VII вв. до н. э.
Бронза. L - 8 см

84. Arcuate fibulas.
8th-7th cc. BC.
Bronze. L - 8 cm

85. Привеска - фигурка барана.
VI-V вв. до н. э.
Бронза. H - 3,8 см

85. Pendant - ram's figurine.
6th-5th cc. BC.
Bronze. H - 3,8 cm

86. Фибула дуговидная.
VIII-VII вв. до н. э.
Бронза. L - 7,6 см

86. Arcuate fibulas.
8th-7th cc. BC.
Bronze. L - 7,6 cm

87а, б, с. Фибула.
VIII-VII вв. до н. э.
Бронза. L - 11 см;

87а, б, с. Arcuate fibula.
8th-7th cc. BC.
Bronze. L - 11 cm;

б, с. Детали

б, с. Details

СКИФЫ И САРМАТЫ

SCYTHIANS AND SARMATIANS

88. Кубок.
Сарматы. I в. до н. э.
Стекло. H – 12 см

88. Cup.
Sarmatian. 1st c. BC.
Glass. H – 12 cm

a b

89a, b. Акинаки.
Скифы. VII–V вв. до н. э.
Железо.
a. L – 58 см; b. L – 30 см

89a, b. Akinakes.
Scythian. 7th–5th cc. BC.
Iron.
a. L – 58 cm; b. L – 30 cm

90a, b. Аттическая чаша типа болсал.
Скифы. Третья четверть V – середина IV в. до н. э.
Причерноморский импорт.
Чернолаковая керамика.
H – 6,5 см; b. Деталь

90a, b. Attical bolsal type bowl.
Scythian. Third quarter of 5th c. BC. – middle of 4th c. BC.
Black Sea coast import.
Black lacquer ceramics.
H – 6,5 cm; b. Detail

91a, b. Наконечники стрел.
Скифы. VIII в. до н. э.
Бронза.
a. L – 3,1 см; b. L – 2,8 см

91a, b. Arrowheads.
Scythian. 8th c. BC.
Bronze.
a. L – 3,1 cm; b. L – 2,8 cm

a b

92. Лутерий.
Скифы. V–IV вв. до н. э.
Причерноморский импорт.
Камень. D – 23 см

92. Luterium.
Scythian. 5th–4th cc. BC.
Black Sea coast import.
Stone. D – 23 cm

93. Фасосская амфора.
Скифы. Третья четверть V – середина IV в. до н. э.
Причерноморский импорт.
Керамика. H – 67 см

93. Amphora from the Island of Thasos.
Scythian. Third quarter of 5th c. BC. – middle of 4th c. BC.
Black Sea coast import.
Ceramics. H – 67 cm

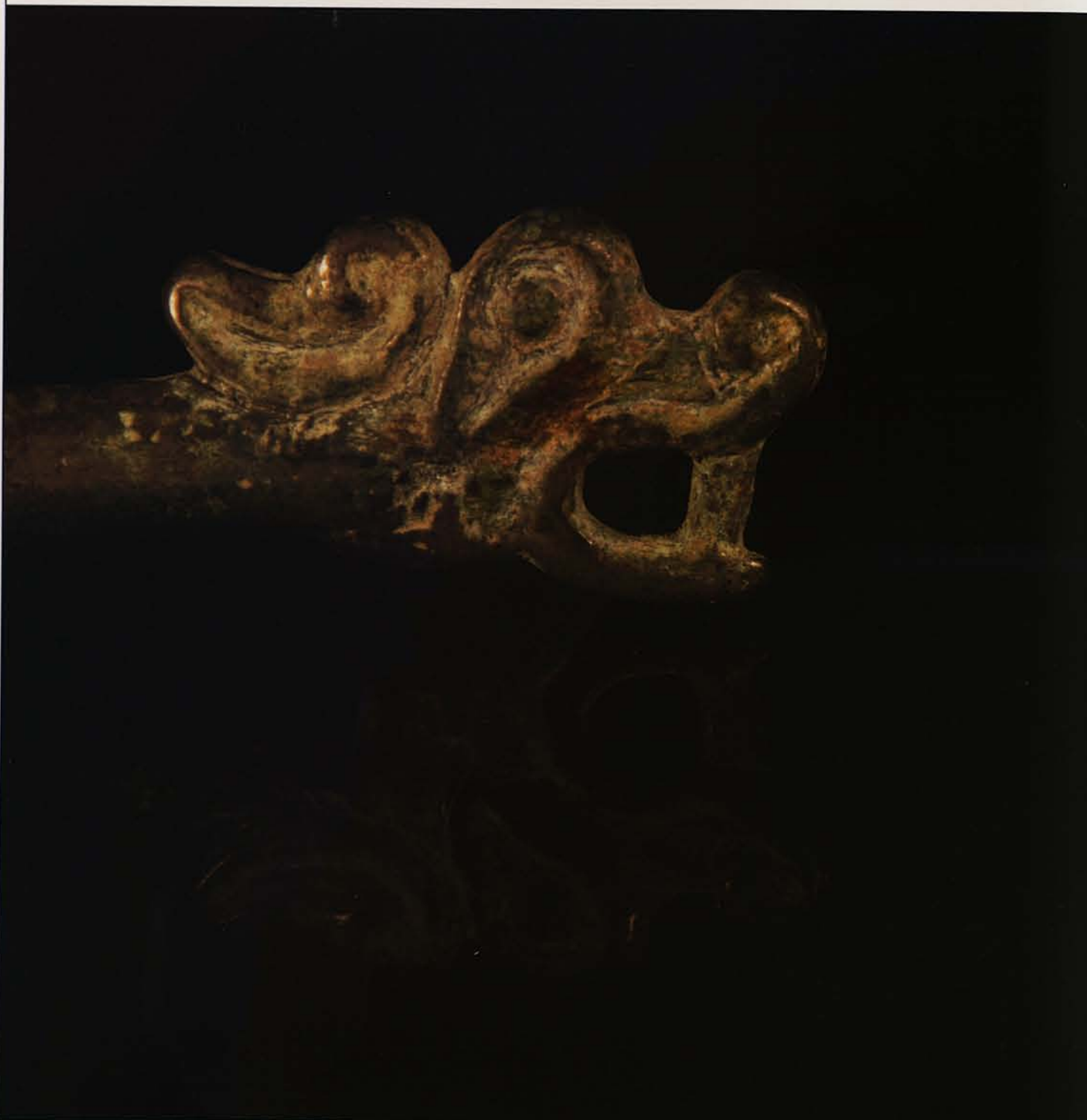

94. Псали с зооморфными концами.

Скифы. IV в. до н. э.
Бронза, железо. L – 26,5 см

94. Horse cheek-pieces decorated with zoomorphic ends.

Scythian. 4th c. BC.
Bronze, iron. L – 26,5 cm.

95. Налобник конский.
Скифы. IV в. до н. э.
Бронза. 17,5 x 4 см

95. Chamfron.
Scythian. 4th c. BC.
Bronze. 17,5 x 4 cm

96. Зооморфные детали обивки деревянного блюда.
Сарматы. Вторая половина IV в. до н. э.
Золото. Деталь в форме крыла L – 3,2 см

96. Zoomorphic details of wooden plate trimming.
Sarmatian. Second half of 4th c. BC.
Gold. Wing-shaped element L – 3,2 cm

97. Зеркало.
Сарматы. II в. до н. э.
Бронза. D – 11 см

97. Mirror.
Sarmatian. 2nd c. BC.
Bronze. D – 11 cm

98. Фибула – брошь.
Сарматы. II-I вв. до н. э.
Золото, камень. L – 4,8 см

98. Fibula – brooch.
Sarmatian. 2nd-1st cc. BC.
Gold, stone. L – 4,8 cm

99. Фибула – брошь.
Сарматы. II–I вв. до н. э.
Золото, халцедон. L – 5,1 см

99. Fibula – brooch.
Sarmatian. 2nd–1st cc. BC.
Gold, chalcedony. L – 5,1 cm

a b

100а, б. Броши.
Сарматы. II–I вв. до н. э.
Золото. а. D – 3,5 см; б. D – 2,8 см

100а, б. Brooches.
Sarmatian. 2nd–1st cc. BC.
Gold. а. D – 3,5 cm; б. D – 2,8 cm

101. Привески.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото, стекло. H – 6,8 см

101. Pendants.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold, glass. H – 6,8 cm

<p>102. Бусы. Сарматы. II в. до н. э. Камень, стекло. Центральные бусины L – 5,5; 5,2 см</p>	<p>102. Beads. Sarmatian. 2nd c. BC. Stone, glass. The central beads L – 5,5; 5,2 cm</p>
---	---

<p>104. Ожерелье из пронизей. Сарматы. II–I вв. до н. э. Золото. L – 0,5–0,7 см</p>	<p>104. Necklace of thin hollow tube-like decorations. Sarmatian. 2nd–1st cc. BC. Gold. L – 0,5–0,7 cm</p>
--	---

<p>103. Бусы. Сарматы. II–I вв. до н. э. Стекло. Центральные бусины D – 1,2; 1,3 см</p>	<p>103. Beads. Sarmatian. 2nd–1st cc. BC. Glass. The central beads D – 1,2; 1,3 cm</p>
--	---

<p>105. Бусер. Сарматы. II–I вв. до н. э. Стеклянная паста. D – 0,2–0,3 см</p>	<p>105. Glass beads. Sarmatian. 2nd–1st cc. BC. Glass paste. D – 0,2–0,3 cm</p>
---	--

a

106а, б. Кулон в виде фигуры лежащего кабана.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. L – 10 см;
б. Деталь

b

106а, б. Pendant shaped like a recumbent wild boar.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. L – 10 cm;
b. Detail

a

107a, b. Браслет.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. D – 5,5–5,8 см;
b. Деталь

b

107a, b. Bracelet.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. D – 5,5–5,8 cm;
b. Detail

a	
b	c

108a, b, c. Браслеты с изображениями баранов на концевых пластинах.

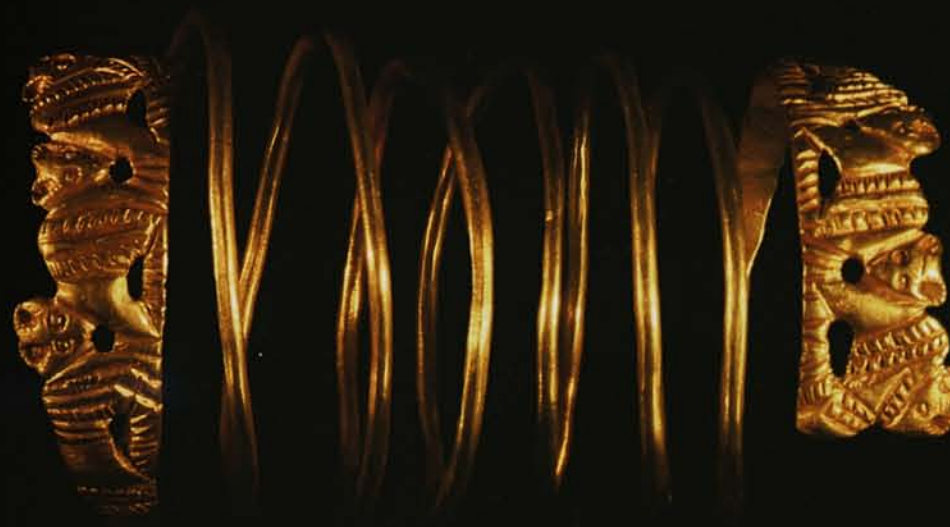
Сарматы. I в. до н. э.

Золото. a. Деталь; b. H – 18 см; c. H – 19 см

108a, b, c. Bracelets with images of rams at the end plates.

Sarmatian. 1st c. BC.

Gold. a. Detail; b. H – 18 cm; c. H – 19 cm

109. Бляшки нашивные в виде женских лиц. Сарматы. I в. до н. э. Золото. D – 2 см | 109. Sewn-on plaques featuring female faces. Sarmatian. 1st c. BC. Gold. D – 2 cm

110. Бляшки нашивные в виде мужских лиц. Сарматы. I в. до н. э. Золото. D – 2 см | 110. Sewn-on plaques featuring male faces. Sarmatian. 1st c. BC. Gold. D – 2 cm

111. Бляшки нашивные в виде мужских лиц. Сарматы. I в. до н. э. Золото. D – 1,2; 1,6; 2 см | 111. Sewn-on plaques featuring male faces. Sarmatian. 1st c. BC. Gold. D – 1,2; 1,6; 2 cm

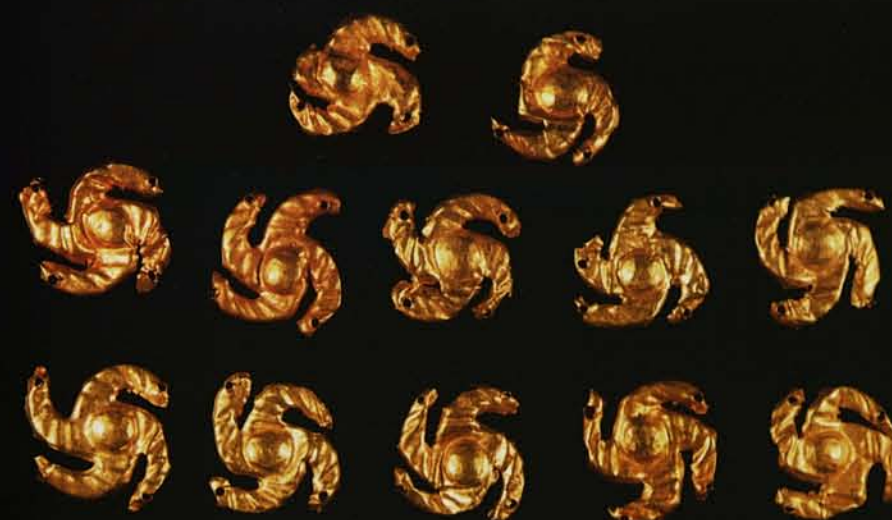
112. Бляшка нашивная в виде лежащего коня (грифона?). Сарматы. I в. до н. э. Золото. 2,5 x 2 см | 112. Sewn-on plaque featuring recumbent horse (griffin?). Sarmatian. 1st c. BC. Gold. 2,5 x 2 cm

113. Бляшки нашивные в виде крестов. Сарматы. I в. до н. э. – I в. н. э. Золото. 2,5 x 2,5 см

113. Sewn-on plaques shaped like crosses. Sarmatian. 1st c. BC. – 1st c. AD. Gold. 2,5 x 2,5 cm

116. Бляшки нашивные в виде свастики. Сарматы. I в. до н. э. – I в. н. э. Золото. 2,5 x 2,5 см

116. Sewn-on plaques shaped like swastika. Sarmatian. 1st c. BC. – 1st c. AD. Gold. 2,5 x 2,5 cm

a b

114a, b. Броши. Сарматы. I в. до н. э. – I в. н. э. Золото. a. D – 2,4 см; b. 2,4 x 2,1 см

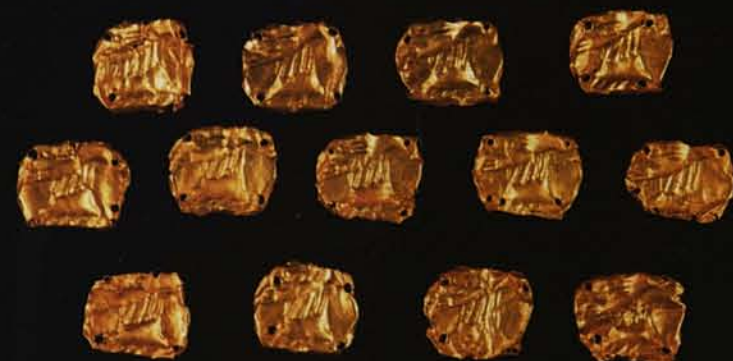
114a, b. Brooches. Sarmatian. 1st c. BC. – 1st c. AD. Gold. a. D – 2,4 cm; b. 2,4 x 2,1 cm

a b c

117a, b, c. Височные кольца. Сарматы. I в. до н. э. – I в. н. э. Золото. D – 1,8–2 см

117a, b, c. Temporal rings. Sarmatian. 1st c. BC. – 1st c. AD. Gold. D – 1,8–2 cm

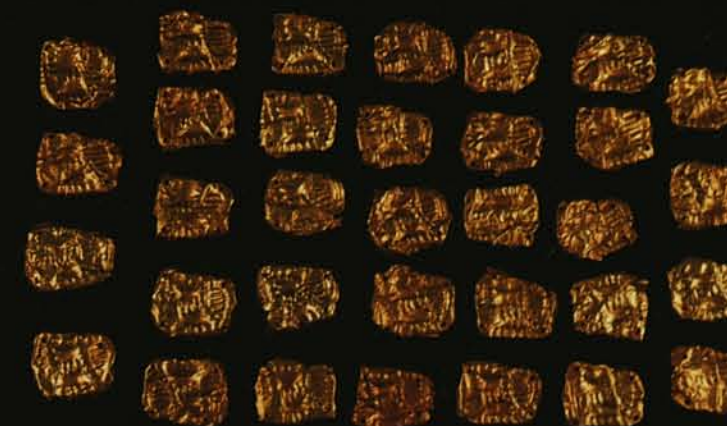

115. Бляшки нашивные с изображением лежащего коня (грифона?). Сарматы. I в. до н. э. Золото. 2 x 1,5 см

115. Sewn-on plaques featuring recumbent horse (griffin?). Sarmatian. 1st c. BC. Gold. 2 x 1,5 cm

118. Бляшки нашивные с изображением лежащего коня (грифона?). Сарматы. I в. до н. э. Золото. 2 x 1,5 см

118. Sewn-on plaques featuring recumbent horse (griffin?). Sarmatian. 1st c. BC. Gold. 2 x 1,5 cm

a
b

119a, b. Цепочка с застежкой в виде грифонов (рогатых львов).
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. Застежки 2 x 1 см

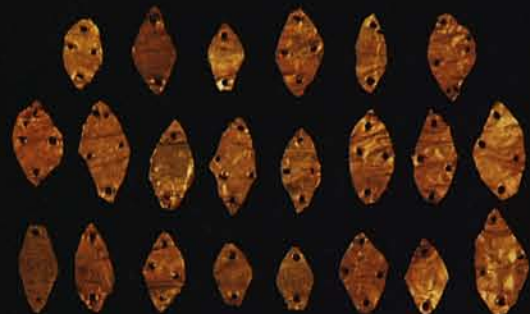
119a, b. Neck chain with clasps shaped like griffins (horned lions).
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. Clasps 2 x 1 cm

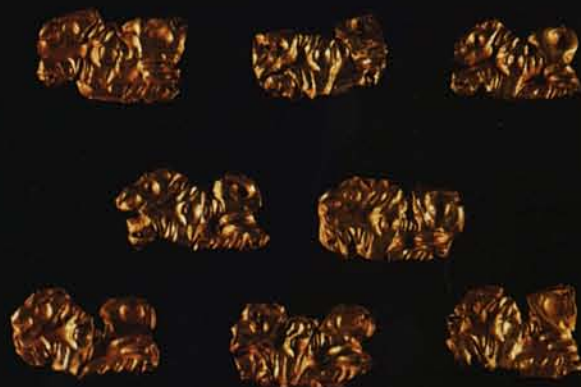
120. Бляшки нашивные ромбической формы.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. 2,6 x 1,3 см

120. Sewn-on rhomboid plaques.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. 2,6 x 1,3 cm

121. Бляшки нашивные ромбической формы.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. 2 x 1 см

121. Sewn-on rhomboid plaques.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. 2 x 1 cm

122. Бляшки нашивные со стилизованным изображением животного.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. 2,4 x 1,7 см

122. Sewn-on plaques featuring stylized animal.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. 2,4 x 1,7 cm

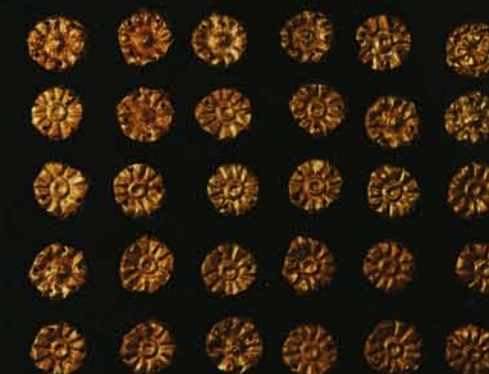
123. Бляшки нашивные в форме полумесяца.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. 4 x 1,4 см

123. Sewn-on plaques shaped like crescent.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. 4 x 1,4 cm

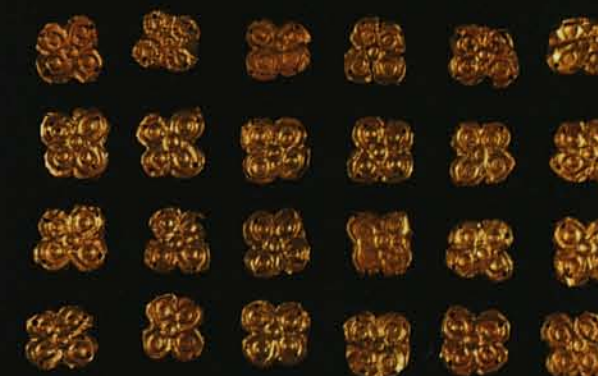
124. Бляшки нашивные в виде розеток.
Сарматы.
Золото. D - 2; 1,8 см

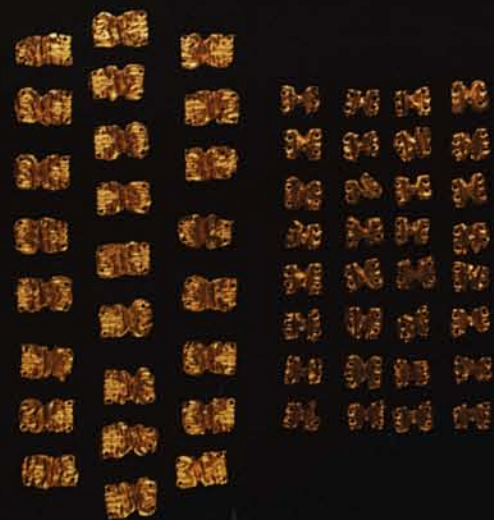
124. Sewn-on plaques shaped like rosettes.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. D - 2; 1,8 cm

125. Бляшки нашивные в виде розеток.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. D - 2,5 см

125. Sewn-on plaques shaped like rosettes.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. D - 2,5 cm

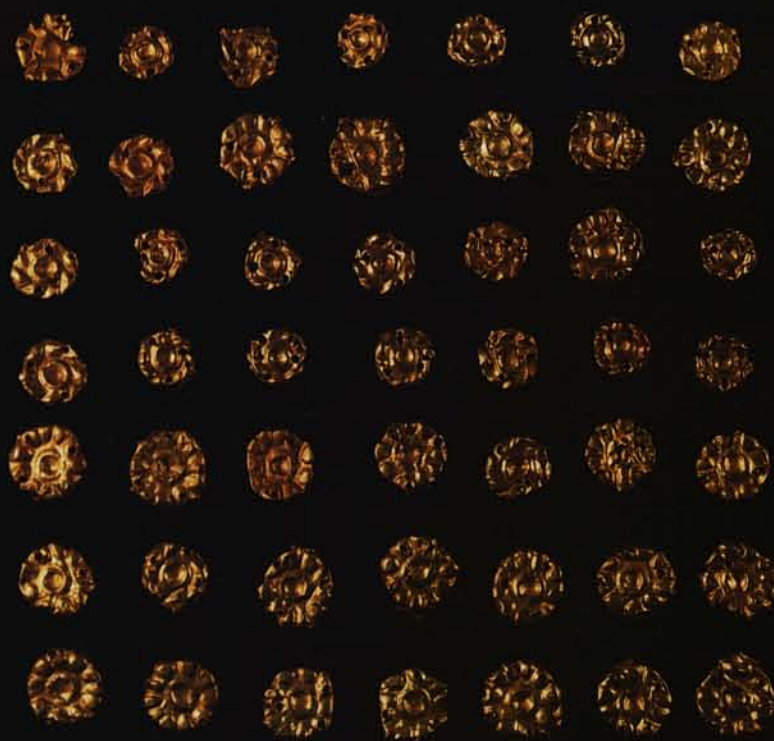

126а, б. Бляшки нашивные.
Сарматы. I в. до н. э. – I в. н. э.
Золото. а. 2 x 1,2 см;
б. 1,1 x 0,9 см

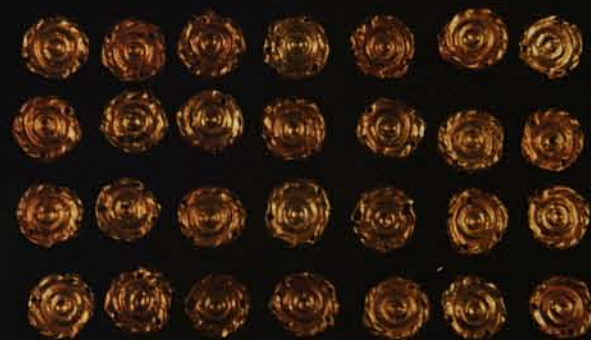
a b

126а, б. Sewn-on plaques.
Sarmatian. 1st c. BC. – 1 c. AD.
Gold. а. 2 x 1,2 cm;
б. 1,1 x 0,9 cm

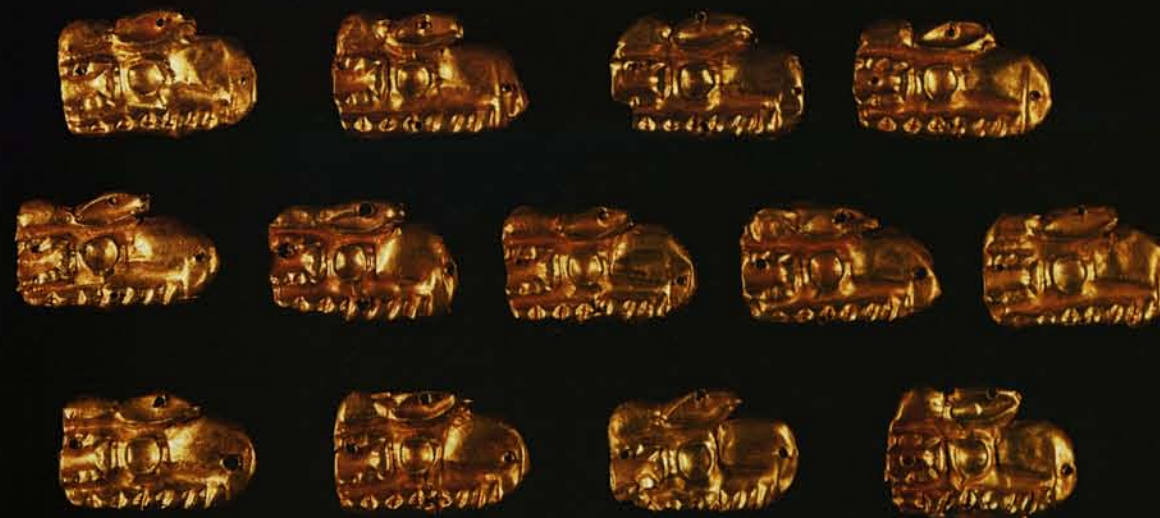
127. Бляшки нашивные
в виде розеток.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. D – 2; 1,6; 1 см

127. Sewn-on plaques shaped
like rosettes.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. D – 2; 1,6; 1 cm

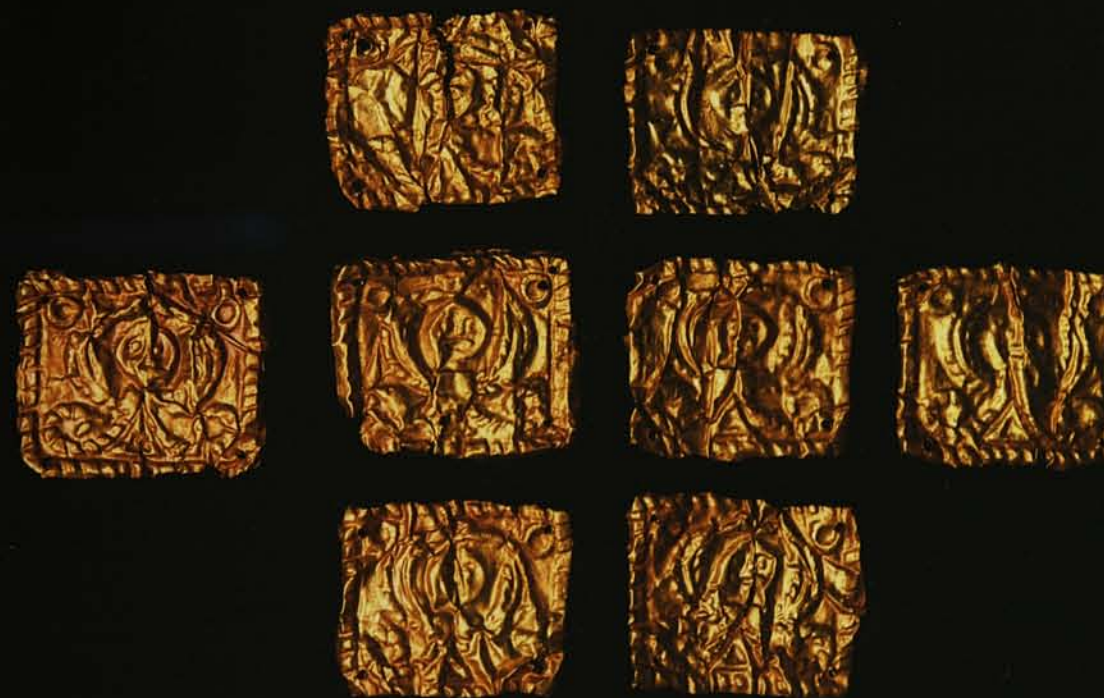

128. Бляшки нашивные
в виде розеток.
Сарматы. I в. до н. э.
Золото. D – 1,5 см

128. Sewn-on plaques
shaped like rosettes.
Sarmatian. 1st c. BC.
Gold. D – 1,5 cm

129. Бляшки нашивные в виде фигурок зайцев. | 129. Sewn-on plaques featuring hares.
Сарматы. I в. до н. э. Золото. 3,2 x 2 см | Sarmatian. 1st c. BC. Gold. 3,2 x 2 cm

130. Бляшки нашивные с изображениями древа жизни. | 130. Sewn-on plaques with images of the Life Tree.
Сарматы. I в. до н. э. Золото. 3,7 x 3 см | Sarmatian. 1st c. BC. Gold. 3,7 x 3 cm.

131. Пронизи нашивные. | **131. Sewn-on thin hollow tube-like decorations.**
Сарматы. I в. до н. э. Золото. L – 3,3 см | Sarmatian. 1st c. BC. Gold. L – 3,3 cm

133. Бусы. | **133. Beads.**
Сарматы. I в. до н. э. Стекланная паста. D – 0,5–0,7 см | Sarmatian. 1st c. BC. Glass paste. D – 0,5–0,7 cm

132. Бусы. | **132. Beads.**
Сарматы. I в. до н. э. Стекло, агат. Центральная бусина L – 5 см | Sarmatian. 1st c. BC. Glass, agate. The central bead L – 5 cm

134. Бусины. | **134. Beads.**
Сарматы. I в. до н. э. Горный хрусталь, сердолик. L – 3,8 см | Sarmatian. 1st c. BC. Rock crystal, cornelian. L – 3,8 cm

135. Кувшин.
Сарматы, II-I вв. до н. э.
Керамика (лощение, задымление).
H – 41 см

135. Jug.
Sarmatian, 2nd–1st cc. BC.
Ceramics (glossed, smoked).
H – 41 cm

136. Котел.
Сарматы, I в. до н. э.
Бронза. D – 43 см

136. Cauldron.
Sarmatian, 1st c. BC.
Bronze. D – 43 cm

138. Канфаровидная чаша.
Сарматы, II-I вв. до н. э.
Керамика (лощение, задымление). H – 10 см

138. Cantharus-like bowl.
Sarmatian, 2nd–1st cc. BC.
Ceramics (glossed, smoked). H – 10 cm

a b c

137a, b, c. Миска и кружки.
Сарматы, II-I вв. до н. э.
Керамика. **a.** Миска H – 10,5 см;
б. H – 12 см; **с.** H – 8,1 см

137a, b, c. Bowl and mugs.
Sarmatian, 2nd–1st cc. BC.
Ceramics. **a.** Bowl H – 10,5 cm;
Mugs: б. H – 12 cm; **с.** H – 8,1 cm

a b

139a, б. Курильницы.
Сарматы, II-I вв. до н. э.
Керамика. **a.** H – 10,3 см; **б.** H – 7,8 см

139a, b. Incense-burner.
Sarmatian, 2nd–1st cc. BC.
Ceramics. **a.** H – 10,3 cm; **b.** H – 7,8 cm

АЛАНЫ I-V вв. н. э.
ALANS 1st-5th cc. BC.

140. Ажурная бусина.
Золото.
D - 1,3 см

140. Openwork bead.
Gold.
D - 1,3 cm

a b c d e

141a - e. Фалар и бляшки конской сбруи.

a. Фалар. Золото, бронза. D - 8,2 см;
b - e. Бляшки. Серебро, золото, бронза, кожа;
b - d. 4 x 2 см; e. 2,9 x 1,7 см

141a - e. Harness breast phalera and plates.

a. Phalera. Gold, bronze. D - 8,2 cm;
b - e. Plates. Silver, gold, bronze, skin;
b - d. 4 x 2 cm; e. 2,9 x 1,7 cm

a

142a, b, c. Фалар и бляшки конской сбруи.
В центре фалара мужское лицо и стилизованное
изображение свернувшегося вокруг него волка.
На бляшках стилизованные изображения
волка и терзающей его птицы.

Золото, бронза, кожа.
b. Фалар (деталь) D - 8,2 см;
c. Бляшки 5,5 x 3,5 см

142a, b, c. Harness breast phalera and plates.

A male face and stylized image of coiled
wolf in the centre of phalera.
On the plates stylized images of a wolf
tormented by a predator bird.

Gold, bronze, skin.
b. Phalera (detail) D - 8,2 cm;
c. Plates 5,5 x 3,5 cm

b

c

143a, b. Фалар – украшение конской сбруи.
В центре стилизованная фигура волка,
грызущего свою заднюю ногу, вокруг по
периметру изображения грифонов.
Золото, бронза, D – 11,5 см;
b. Деталь

143a, b. Harness breast phalera.
Stylized image of a coiled wolf gnaw-
ing its hind leg in the centre. Around
it on perimeter images of griffins.
Gold, bronze, D – 11,5 cm;
b. Detail

a b

144. Бляшки конской сбруи.
Серебро, D – 12; 7,5 см

144. Harness plates.
Silver, D – 12; 7,5 cm

145. Детали конской сбруи.
Серебро, железо.
Подвески L – 7,3 см

145. Parts of harness.
Silver, iron.
Pendants L – 7,3 cm

146. Бляшка конской сбруи. Стилизованное
изображение лежащего медведя (?).
Золото, бронза, 4,7 x 3,5 см

146. Harness plate. Stylized
image of recumbent bear (?).
Gold, bronze, 4,7 x 3,5 cm

147. Сбруя парадная

147. Ceremonial horse harness

a	
b	c

	e
d	f

148a - f. Фалары и бляшки - украшения конской сбруи. В центре фаларов свернувшийся змей (дракон?). Вокруг фриза из четырех хищников - самцов, чередующихся с самками, хвост которых завершается мордой детеныша.
Золото, бронза. a - f. Фалары D - 12 см; c, d. Бляшки 6,5 x 4,5 см

148a - f. Harness breast phaleras and plates. A coiled serpent (dragon?) in the centre of phaleras. Around it frieze of four predators - the males alternating with females whose tails end by muzzle of puppy.
Gold, bronze. a - f. Phaleras D - 12 cm; c, d. Plates 6,5 x 4,5 cm

a b

149a, b. Бляшки конской сбруи.
Волк, терзаемый хищной птицей.
Золото, бронза. 9 x 7,5 см; b. Деталь

149a, b. Harness plates.
Wolf tormented by a predatory bird.
Gold, bronze. 9 x 7,5 cm; b. Detail

a b

150а, б. Бляшки конской сбруи. Волк, терзаемый хищной птицей. Золото, бронза. 6,5 x 4,5 см; б. Деталь | 150a, b. Harness plates. Wolf tormented by a predatory bird. Gold, bronze. 6,5 x 4,5 cm; b. Detail

151. Фалар (наголовный) – украшение конской сбруи. Фриз из четырех хищников вокруг свернувшегося кольцом змея (дракона?).
Золото, бронза. D – 7,8 см

151. Harness forehead phalera. Frieze of four predators around the coiled serpent (dragon?) in the centre.
Gold, bronze. D – 7,8 cm

a
b

152a, b. Бляшки конской сбруи. Стилизованные скульптурные изображения ежей на серебряных пластинках.
Золото, серебро, бронза.
a. Пластины 9,1 x 4,2 см; 9,8 x 4,2 см;
b. Деталь. Еж 3,6 x 1 см

152a, b. Harness plates. Stylized sculptural images of hedgehogs on the silver plates.
Gold, silver, bronze.
a. Plates 9,1 x 4,2 cm; 9,8 x 4,2 cm;
b. Detail. Hedgehog 3,6 x 1 cm

a b

153a, b. Бляшки конской сбруи.
Стилизованное изображение хищника.
Золото, бронза, кожа. 5 x 3,5 см; b. Деталь

153a, b. Harness plates.
Stylized image of predator.
Gold, bronze, skin. 5 x 3,5 cm; b. Detail

154. Детали сбруи: наконечники ремней и бусина.

Золото, серебро, полудрагоценный камень, кожа.

Наконечники 2,5 x 2 см; 2 x 1,5 см;

бусина D – 2,5 см

154. Parts of harness: belt tips, bead.

Gold, silver, semi-precious stone, skin.

Tips 2,5 x 2 cm; 2 x 1,5 cm;

bead D – 2,5 cm

155a, b, c. Детали сбруи: колокольчики, бусы, пряжка, подвески.
 Серебро. **a.** Колокольчики H – 3,7 см;
b. Пряжка L – 3,5 см; **c.** Бусы D – 2,5 см; **d.** Подвески

155a, b, c. Parts of harness: bells, buckle, beads, pendants.
 Silver. **a.** Bells H – 3,7 cm;
b. Beads D – 2,5 cm; **c.** Buckle L – 3,5 cm; **d.** Pendants

156a, b, c. Бляшки конской сбруи.
 Серебро. **a.** D – 12 см;
b. D – 5,7 см; **c.** D – 5,9 см

156a, b, c. Harness plates.
 Silver. **a.** D – 12 cm;
b. D – 5,7 cm; **c.** D – 5,9 cm

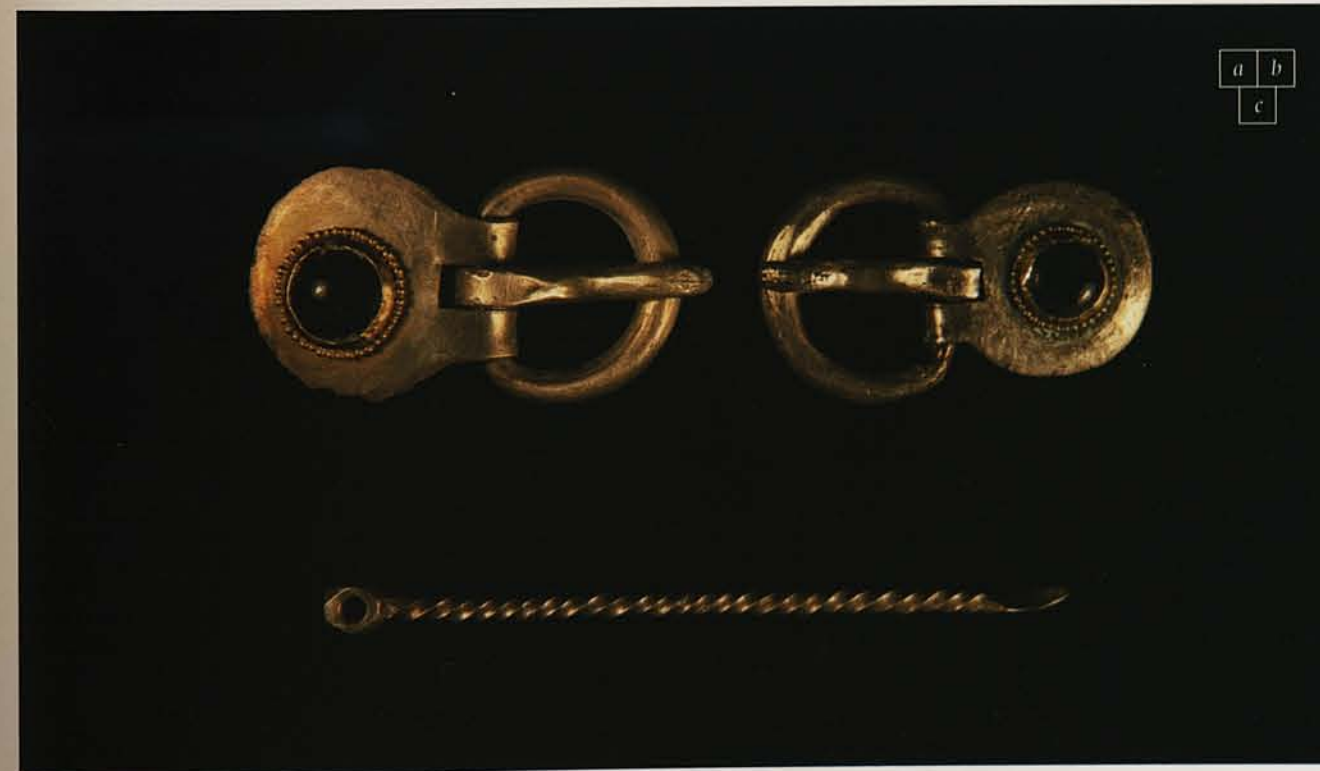
157a, b. Фибулы.
a. Серебро, золото. L – 3,5 см;
b. Серебро. L – 3,3 см

157a, b. Fibulas.
a. Silver, gold. L – 3,5 cm;
b. Silver. L – 3,3 cm

158a, b, c. Пряжки и копоушка.
 Серебро, золото, гранат.

158a, b, c. Buckles, ear-cleaning spoon.
 Silver, gold, garnet.

Пряжки: **a.** L – 4,2 см; **b.** L – 3,7 см; **c.** Копоушка L – 6,9 см
 Buckles: **a.** L – 4,2 cm; **b.** L – 3,7 cm; **c.** Spoon L – 6,9 cm

159. Бляшки нашитые.
Золото. 1,5 x 1,5 см
159. Sewn-on plaques.
Gold. 1,5 x 1,5 cm

160. Бляшки нашитые.
Золото. 1,5 x 1,4 см
160. Sewn-on plaques.
Gold. 1,5 x 1,4 cm

161. Бляшки нашитые.
Золото. 1,8 x 1,1 см
161. Sewn-on plaques.
Gold. 1,8 x 1,1 cm

162. Бусина со скульптурным изображением лежащего льва.
Египетский фаянс. 2,3 x 1,4 см

162. Bead with sculptural image of recumbent lion.
Egyptian faience. 2,3 x 1,4 cm

163. Бусы.
Стеклянная паста, коралл.
Коралл. L - 3,1 см

163. Beads.
Glass paste, coral.
Coral. L - 3,1 cm

164. Бусы.
- Гагат, горный хрусталь, халцедон, яшмарь, сердалик.
Гагатова бусина. L - 7,1 см

164. Beads.
Jet, rock crystal, chalcedony, amethyst, carnelian.
Jet bead. L - 7,1 cm

165. Бусы ажурные и подвеска.
Золото. Бусина L – 1,9 см

165. Openwork beads and pendant.
Gold. Bead L – 1,9 cm

a b

166a, b. Подвески. Золото. а. L - 1,6 см | 166a, b. Pendants. Gold. а. L - 1,6 cm

a b c

167a, b, c. Подвески. Золото, стекло. а. L - 1,6 см | 167a, b, c. Pendants. Gold, glass. а. L - 1,6 cm
b. Подвеска со вставкой 0,7 x 0,4 см | b. Pendant with inset 0,7 x 0,4 cm

168. Серьги. Золото. D кольца - 1,5 см | 168. Earrings. Gold. D ring - 1,5 cm

169. Серьги. Золото.
D кольца – 1,7 см

169. Earrings.
Gold.
D ring – 1,7 cm

170. Серьги. Золото.
D кольца – 1,5 см

170. Earrings.
Gold.
D ring – 1,5 cm

171. Застежка. | 171. Clasp.
Золото, гранат. | Gold, garnet.
1,5 x 1,1 см | 1,5 x 1,1 cm

172. Подвеска. | 172. Pendant.
Золото, гранат. | Gold, garnet.
D - 1,2 см | D - 1,2 cm

173. Подвеска. Золото, гранат. D - 1,6 см | 173. Pendant. Gold, garnet. D - 1,6 cm

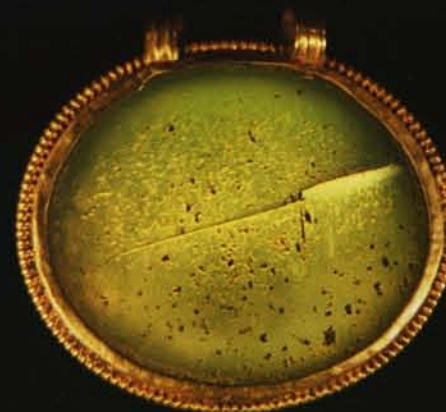

174. Застежки. Золото, сердолик. 2,5 x 2,2 см | 174. Clasps. Gold, cornelian. 2,5 x 2,2 cm

175. Булавка. | **175. Pin.**
 Бронза, золото, сердолик. D – 3,5 см | Bronze, gold, cornelian. D – 3,5 cm

176a, b, c. Застежки. | **176a, b, c. Clasps.**
 Золото, камень. a, b. D – 1,2 см; c. D – 1,3 см | Gold, stone. a, b. D – 1,2 cm; c. D – 1,3 cm

177. Подвеска. | **177. Pendant.**
 Бронза, золото, камень. L – 3,1 см | Bronze, gold, stone. L – 3,1 cm

178a – e. Бусы. | **178a – e. Beads.**
 a – d. Сердолик. c. D max – 2,1 см; a – d. Cornelian. c. D max – 2,1 cm;
 e. Стеклянная паста. L – 4 см | e. Glass paste. L – 4 cm

a b

179а, б. Бляшки – личины.
Золото. 1,7 x 1,1 см | 179а, b. Plates – masks.
Gold. 1,7 x 1,1 cm

180. Подвеска
антропоморфная.
Янтарь. 1,9 x 1 x 0,6 см | 180. Anthropomorphic
pendant.
Amber. 1,9 x 1 x 0,6 cm

181. Статуэтка.
Камень. Н – 14 см | 181. Figurine.
Stone. Н – 14 см

182. Статуэтка.
Камень. Н – 10,3 см | 182. Figurine.
Stone. Н – 10,3 см

a

183а, б. Перстень с инталией.
Серебро, сердечик. D – 2,2 см.
Инталия 0,8 x 0,6 см; | 183а, b. Finger ring with entail.
Silver, cornelian. D – 2,2 cm.
Entail 0,8 x 0,6 cm; |
б. Отпечаток инталии | b. Impress

b

184. Бокал
с зооморфными ручками.
Керамика (лощение, задымление).
Н – 17,7 см | 184. Goblet with
zoomorphic handles.
Ceramics (glossed, smoked).
Н – 17,7 cm

185. Кружка
с зооморфной ручкой.
Керамика (лощение, задымление).
Н – 15 см | 185. Mug with
zoomorphic handle.
Ceramics (glossed, smoked).
Н – 15 cm

186. Чашка.
Керамика (лощение, задымление).
Н – 6,4 см | 186. Cup.
Ceramics (glossed, smoked).
Н – 6,4 cm

187. Бокал.
Керамика (лощение, задымление).
Н – 11,3 см | 187. Goblet.
Ceramics (glossed, smoked).
Н – 11,3 cm

188. Кувшин.
Керамика (лощение, задымление).
Н – 15 см | 188. Jug.
Ceramics (glossed, smoked).
Н – 15 cm

189. Кувшин
с зооморфной ручкой.
Керамика (лощение, задымление).
Н – 18 см | 189. Jug with
zoomorphic handle.
Ceramics (glossed, smoked).
Н – 18 cm

190. Корчага с крышкой, украшенной орнаментом, и ручкой в виде птицы.

Керамика (лощение, задымление). Н – 16,7 см

190. Large earthenware pot with ornamented lid and a bird-like handle.

Ceramics (glossed, smoked). Н – 16,7 cm

193. Корчага с крышкой.

Керамика (лощение, задымление). Н – 32 см

193. Large earthenware pot with a lid.

Ceramics (glossed, smoked). Н – 32 cm

194. Ваза.

Керамика (лощение, задымление). Н – 13 см

194. Bowl.

Ceramics (glossed, smoked). Н – 13 cm

a b

191a, b. Кружка с крышкой и зооморфной ручкой.

Керамика (лощение, задымление). Н – 14,7 см; б. Ручка в виде кабана

191a, b. Mug with a lid and zoomorphic handle.

Ceramics (glossed, smoked). Н – 14,7 cm; б. Wild boar-like handle

a b

192a, b. Кувшин с зооморфной ручкой.

Керамика (лощение, задымление). Н – 17,5 см; б. Ручка в виде кабана

192a, b. Jug with zoomorphic handle.

Ceramics (glossed, smoked). Н – 17,5 cm; б. Wild boar-like handle

195. Амфора. Причерноморский импорт. Керамика. Н – 43 см

195. Amphora. Black Sea coast import. Ceramics. Н – 43 cm

АЛАНИЯ VI–IX вв. н. э.
ALANIA 6th–9th cc. BC.

196. Подвеска.
VII – первая четверть VIII в.
Янтарь, бронза. Н – 3,4 см

196. Pendant.
7th – first quarter of 8th c.
Amber, bronze. H – 3,4 cm

197. Накладка в виде антропоморфной фигурки.
VI-VII вв. Золото, серебро.
H - 6 см

197. Anthropomorphic overlay.
6th-7th cc. Gold, silver.
H - 6 cm

198. Пряжка.
VII-VIII вв.
Кость. L - 6,9 см

198. Buckle.
7th-8th cc.
Bone. L - 6,9 cm

199. Антропоморфная каменная фигурка.
VI-VII вв. Мергель.
H - 8,2 см

199. Anthropomorphic stone figurine.
6th-7th cc. Marl.
H - 8,2 cm

200a, b, c. Накладки сбруйные.
VII в. Листовое серебро.
a. L - 7,2 см; b. L - 4,3 см

200a, b, c. Harness overlays.
7th c. Silver plates.
a. L - 7,2 cm; b. L - 4,3 cm

201. Гарнитура пояса.
VII-VIII вв. Серебро.
L - 1,5-8,7 см

201. Waist belt decoration plaques.
7th-8th cc. Silver.
L - 1,5-8,7 cm

202. Гарнитура пояса.
VII-VIII вв. Серебро.
L - 1,8-3 см

202. Waist belt decoration plaques.
7th-8th cc. Silver.
L - 1,8-3 cm

203. Гарнитура
пояса.
VII-VIII вв. Серебро.
L - 3-4,5 см

203. Waist belt
decoration plaques.
7th-8th cc. Silver.
L - 3-4,5 cm

204. Гарнитура
пояса.
VII-VIII вв. Серебро.
L - 2,8-4,5 см

204. Waist belt
decoration plaques.
7th-8th cc. Silver.
L - 2,8-4,5 cm

205. Гарнитура пояса.
VII-VIII вв. Серебро.
L - 2,4-3,6 см

205. Waist belt decoration plaques.
7th-8th cc. Silver.
L - 2,4-3,6 cm

206. Медальон.
VII–VIII вв. Золото.
D – 2,2 см

206. Medallion.
7th–8th cc. Gold.
D – 2,2 cm

207. Привеска – фигурка птицы.
VII – первая четверть VIII в.
Бронза. H – 1,6 см

207. Pendant – bird figurine.
7th – first quarter of 8th c.
Bronze. H – 1,6 cm

208. Подвеска в виде головки барана.
VII–VIII в.
Бронза. H – 4 см

208. Pendant – ram's head.
7th–8th cc.
Bronze. H – 4 cm

209. Привеска – голова птицы.
VII – первая четверть VIII в.
Серебро. L – 2,8 см

209. Pendant – bird's head.
7th – first quarter of 8th c.
Silver. L – 2,8 cm

210. Бусина-привеска
в виде головы лошади.
VI–VII вв. Янтарь. L – 2,8 см

210. Horse-head-shaped
bead-pendant.
6th–7th cc. Amber. L – 2,8 cm

211. Подвеска в виде головы льва.
VI–VII вв. Серебро, оникс.
D – 5,3 см

211. Lion-head-shaped pendant.
6th–7th cc. Silver, onyx.
D – 5,3 cm

212. Пряжка. 212. Buckle.
VII–VIII вв. Золото, бронза. 7th–8th cc. Gold, bronze.
L – 7 см L – 7 cm

213. Концевая накладка ножен. 213. Overlay for scabbard end.
VII–VIII вв. Золото, серебро. 7th–8th cc. Gold, silver.
L – 15,2 см L – 15,2 cm

a	b
c	
d	

214a - d. Гарнитура пояса. VII-VIII вв. Золото.	214a - d. Waist belt decoration plaques. 7th-8th cc. Gold.
a. 2,3 x 2,2 см;	a. 2,3 x 2,2 см;
b. 3,6 x 1,8 см;	b. 3,6 x 1,8 см;
c. 2,5 x 2 см;	c. 2,5 x 2 см;
d. 3 x 2,2 см	d. 3 x 2,2 см

215. Гарнитура пояса. VII-VIII вв. Золото.	215. Waist belt decoration plaques. 7th-8th cc. Gold.
D - 5 см	D - 5 см

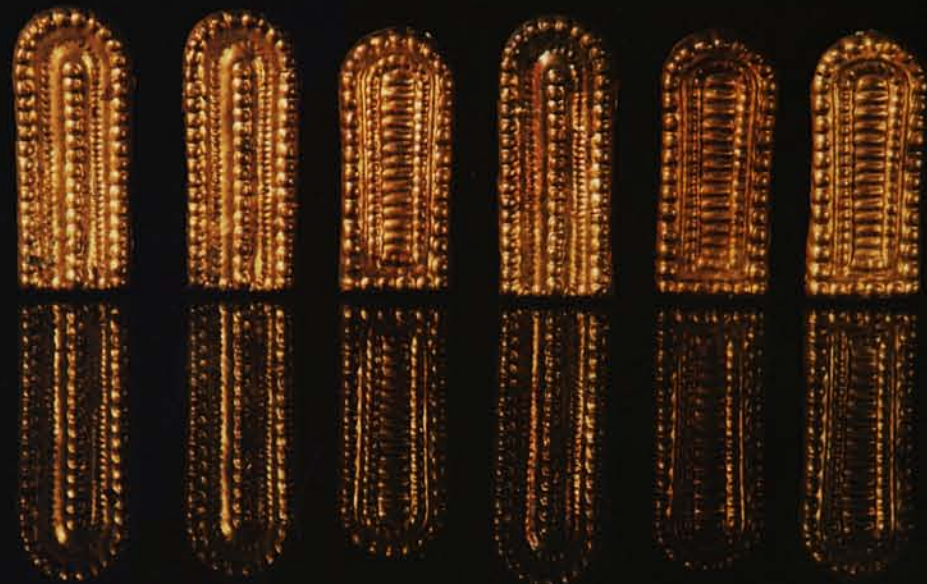
216. Накладки в виде зооморфных фигурок. VI-VII вв. Золото, серебро.	216. Zoomorphic overlay. 6th-7th cc. Gold, silver.
L - 6,8 см	L - 6,8 см

a
b

217а, б. Гарнитура пояса. VII–VIII вв. Золото, железо.
а. Пряжка железная 4,4 x 2,8 см;
б. Накладки L – 3,7 см

217а, б. Waist belt decoration plaques.
7th–8th cc. Gold, iron.
a. Iron buckle 4,4 x 2,8 cm;
b. Plaques L – 3,7 cm

218. Накладки поговиц. VII–VIII вв. Золото.
Трехлепестковый распределитель ремней 3,5 x 2,7 см

218. Footwear decoration plaques.
7th–8th cc. Gold.
Three-leaf-type belt distributor 3,5 x 2,7 cm

219. Наконечники поясов. | **219. Belt tips.**
 VI-VII вв. Золото. | 6th-7th cc. Gold.
 7 x 2 x 0,6 см; 6 x 1,7 x 0,5 см | 7 x 2 x 0,6 см; 6 x 1,7 x 0,5 см

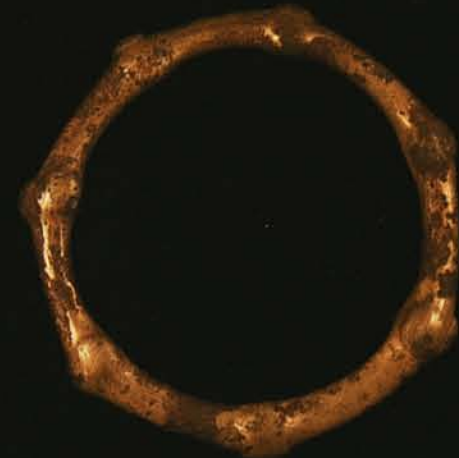
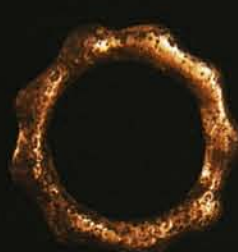
220. Браслеты. | **220. Bracelets.**
 VII – первая четверть VIII в. | 7th – first quarter of 8th c.
 Золото. 6 x 4,9 см; 5,7 x 4,5 см | Gold. 6 x 4,9 cm; 5,7 x 4,5 cm

221. Браслет. | **221. Bracelet.**
 VII-VIII вв. Бронза. | 7th-8th cc. Bronze.
 6 x 5,6 см | 6 x 5,6 cm

222. Браслет. | **222. Bracelet.**
 VI-VII вв. Золото. | 6th-7th cc. Gold.
 D – 6,6 см | D – 6,6 cm

a b c

223a, b, c. Амулеты солярные. | **223a, b, c. Solar amulets.**
 VI-VIII вв. Бронза. | 6th-8th cc. Bronze.
 a. VI-VII вв. D – 3,2 см; | a. 6th-7th cc. D – 3,2 cm;
 b. VII – первая четверть VIII в. D – 3,5 см; | b. 7th – first quarter of 8th c. D – 3,5 cm;
 c. VII-VIII вв. D – 6,7 см | c. 7th-8th cc. D – 6,7 cm

224. Серъги. | 224. Earrings.
VII–VIII вв. Золото. | 7th–8th cc. Gold.
H – 4,4 см | H – 4,4 cm

225. Серъги. | 225. Earrings.
VII–VIII вв. Золото. | 7th–8th cc. Gold.
H – 5,4 см | H – 5,4 cm

226. Серьги. | 226. Earrings.
VII – первая четверть VIII в. | 7th – first quarter of 8th c.
Золото. H – 2,5; 2,6; 1,6 см | Gold. H – 2,5; 2,6; 1,6 cm

227. Серьга. | 227. Earrings.
VII – первая четверть VIII в. | 7th – first quarter of 8th c.
Золото. H – 3,2 см | Gold. H – 3,2 cm

228. Серьги. | **228. Earrings.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Золото, стекло. Н - 5,2 см | Gold, glass. Н - 5,2 cm

229. Серьги. | **229. Earrings.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Золото. Н - 2,9; 3 см | Gold. Н - 2,9; 3 cm

232. Серьги. | **232. Earrings.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Золото. Н - 5 см | Gold. Н - 5 cm

233. Серьги. | **233. Earrings.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Золото. Н - 2,1; 2,3 см | Gold. Н - 2,1; 2,3 cm

230. Серьги. | **230. Earrings.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Золото, стекло. Н - 2; 2,2 см | Gold, glass. Н - 2; 2,2 cm

231. Серьги. | **231. Earrings.**
VII - первая четверть VIII в. | 7th - first quarter of 8th c.
Золото. Н - 2,1 см | Gold. Н - 2,1 cm

234. Серьги. | **234. Earrings.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Бронза. D - 2,5 см | Bronze. D - 2,5 cm

235. Серьги. | **235. Earrings.**
VII - первая четверть VIII в. | 7th - first quarter of 8th c.
Золото. Н - 2; 2,1 см | Gold. Н - 2; 2,1 cm

236. Гемма.
VII – первая четверть VIII в.
Гематит. 1,4 x 1,3 см

236. Gem.
7th – first quarter of 8th c.
Hematite. 1,4 x 1,3 cm

237. Гемма.
VII – первая четверть VIII в.
Сердолик. 0,9 x 1,2 см

237. Gem.
7th – first quarter of 8th c.
Cornelian. 0,9 x 1,2 cm

238. Бусина-печатка.
Инталия с изображением
дельфина. VII–VIII вв.
Халцедон. D – 1,6 см

238. Bead-signet.
Entail featuring a dolphin.
7th–8th cc.
Chalcedony. D – 1,6 cm

239. Бусина-печатка.
Инталия с изображением звезды
и полумесяца. VII–VIII вв.
Сердолик. D – 1,7 см

239. Bead-signet.
Entail featuring a crescent
and star. 7th–8th cc.
Cornelian. D – 1,7 cm

240. Подвеска.
VII – первая четверть VIII в.
Полихромная стеклянная
паста, серебро. H – 3,2 см

240. Pendant.
7th – first quarter of 8th c.
Geterochromic glass paste,
silver. H – 3,2 cm

241. Подвеска.
VI–VII вв.
Хрусталь, золото. D – 3 см

241. Pendant.
6th–7th cc.
Rock crystal, gold. D – 3 cm

242. Нашивные бляшки.
VII в. Золото, горный хрусталь.
H – 2,4 см

242. Sewn-on plaques.
7th c. Gold, rock crystal.
H – 2,4 cm

a b

243a, b. Перстень с инталией.
VII–VIII вв.
Серебро, сердолик. D – 2 см;
b. Отпечаток инталии

243a, b. Finger ring with entail.
7th–8th cc.
Silver, cornelian. D – 2 cm;
b. Impress

244a, b. Кольцо и перстень.
a. Кольцо. VII–VIII вв. Серебро, гранат. D – 1,8 см;
b. Перстень. VII – первая четверть VIII в.
Серебро, сердолик. D – 2,6 см

244a, b. Finger rings with inset.
a. 7th–8th cc. Silver, garnet. D – 1,8 cm;
b. 7th – first quarter of 8th c.
Silver, cornelian. D – 2,6 cm

a b

a b

245a, b. Перстни.
VII – первая четверть VIII в.
Золото, стекло.
a. D – 2,2 см; b. D – 2,1 см

245a, b. Finger rings with inset.
7th – first quarter of 8th c.
Gold, glass.
a. D – 2,2 cm; b. D – 2,1 cm

246a, b, c. Перстни.
VIII–IX вв. Бронза, стекло.
D – 2,2; 2,2; 1,8 см

246a, b, c. Finger rings.
8th–9th cc. Bronze, glass.
D – 2,2; 2,2; 1,8 cm

a b c

<p>247. Фибула. VI-VII вв. Серебро, железо. L - 4,7 см</p>	<p>247. Fibula. 6th-7th cc. Silver, iron. L - 4,7 cm</p>
--	--

<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">a</td> <td style="padding: 2px;">b</td> <td style="padding: 2px;">c</td> <td style="padding: 2px;">d</td> </tr> </table>				a	b	c	d
a	b	c	d				
<p>248a - d. Фибулы. VII - первая четверть VIII в. Бронза. L - 3,4; 6,5; 7,4; 6,8 см</p>	<p>248a - d. Fibulas. 7th - first quarter of 8th c. Bronze. L - 3,4; 6,5; 7,4; 6,8 cm</p>						

249. Подвеска – макияжная коробочка.
VII – первая четверть VIII в.
Серебро. H – 2,1 см

249. Pendant – make-up box.
7th – first quarter of 8th c.
Silver. H – 2,1 cm

250. Накосник.
VII–VIII вв.
Золото. L – 4,2 см

250. Plait holder.
7th–8th cc.
Gold. L – 4,2 cm

a b c

251a, b, c. Туалетный набор
(a. Ложечка-ситечко; b. Копсушка; c. Ногтечистка).
VII – первая четверть VIII в.
Серебро. a. L – 8,6 см; b, c. L – 7,6 см

251a, b, c. Toilet set
(a. Spoon-strainer; b. Spoon ear-cleaner; c. Nail-cleaner).
7th – first quarter of 8th c.
Silver. a. L – 8,6 cm; b, c. L – 7,6 cm

252. Макияжный набор – подвеска с кисточкой.
VII – первая четверть VIII в.
Серебро. H – 6,7 см

252. Make-up suite – pendant with brush.
7th – first quarter of 8th c.
Silver. H – 6,7 cm

<p>253. Зеркала. VII-VIII вв. Оловянистая бронза. D - 4,9-11 см</p>	<p>253. Mirrors. 7th-8th cc. Tin bronze. D - 4,9-11 cm</p>
---	--

<p>254. Зеркала. VII - первая четверть VIII в. Оловянистая бронза. D - 3,7-7,8 см</p>	<p>254. Mirrors. 7th - first quarter of 8th c. Tin bronze. D - 3,7-7,8 cm</p>
---	---

<p>255. Бусы и зеркала. VII - первая четверть VIII в. Оловянистая бронза, янтарь</p>	<p>255. Beads and mirrors. 7th - first quarter of 8th c. Tin bronze, amber</p>
--	--

256. Бусы. | 256. Beads.
VII – первая четверть VIII в. Янтарь. D – 1,2–1,7 см | 7th – first quarter of 8th c. Amber. D – 1,2–1,7 cm

257. Бусы. | 257. Beads.
VII – первая четверть VIII в. Янтарь. D – 0,9–1,3 см | 7th – first quarter of 8th c. Amber. D – 0,9–1,3 cm

258. Бусы. | 258. Beads.
VII – первая четверть VIII в. Сердолик, янтарь. D – 0,7–1,8 см | 7th – first quarter of 8th c. Cornelian, amber. D – 0,7–1,8 cm

259. Бусы. | 259. Beads.
VII – первая четверть VIII в. Янтарь, гематит, сердолик, стекло, полихромное стекло. D – 1,1–2,7 см | 7th – first quarter of 8th c. Amber, hematite, cornelian, glass, geterochromic glass. D – 1,1–2,7 cm

260. Бусы. | **260. Beads.**
VII–VIII вв. Янтарь, сердолик. D – 0,5–1,7 см | 7th–8th cc. Amber, cornelian. D – 0,5–1,7 cm

261. Бусы. | **261. Beads.**
VII–VIII вв. Янтарь, сердолик. D – 0,6–0,9 см | 7th–8th cc. Amber, cornelian. D – 0,6–0,9 cm

262. Бусы с подвеской. | **262. Beads with pendant.**
VII–VIII вв. Горный хрусталь, сердолик, золото, лазурит. D – 0,7–1 см. Подвеска L – 2 см | 7th–8th cc. Rock crystal, cornelian, gold, lazurite. D – 0,7–1 cm. Pendant L – 2 cm

263. Бусы. | **263. Beads.**
VII–VIII вв. Горный хрусталь, сердолик. D – 0,6–1 см | 7th–8th cc. Rock crystal, cornelian. D – 0,6–1 cm

264. Бусы. VII–VIII вв. Янтарь, стекло. D – 3,2; 3,7 см	264. Beads. 7th–8th cc. Amber, glass. D – 3,2; 3,7 cm
--	--

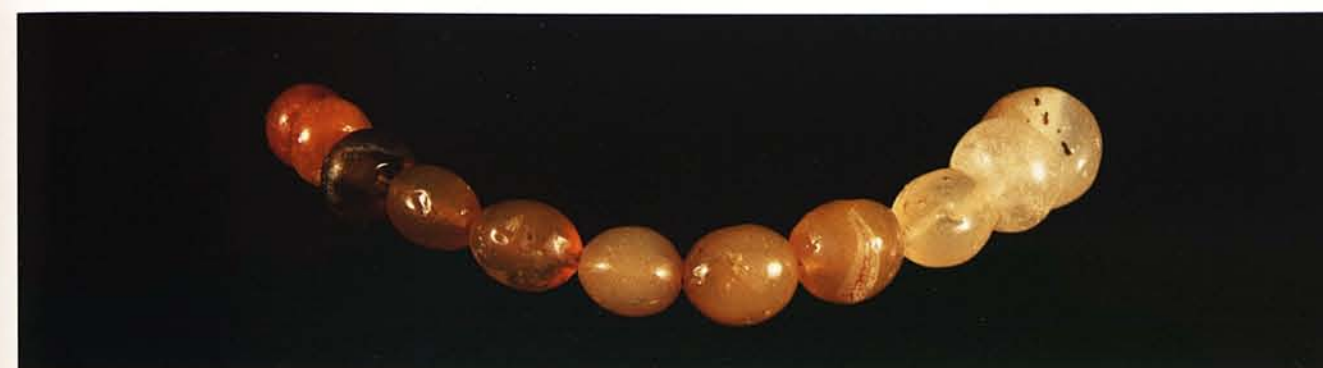
265. Бусы. VII–VIII вв. Агат. D – 2,2; 3 см	265. Beads. 7th–8th cc. Agate. D – 2,2; 3 cm
--	---

266. Бусы. VII–VIII вв. Сердолик. D – 2,5; 3 см	266. Beads. 7th–8th cc. Cornelian. D – 2,5; 3 cm
--	---

267. Бусы с подвесками. | **267. Beads with pendants.**
 VII–VIII вв. Сердолик, янтарь, халцедон, стекло, агат, кость, золото. | 7th–8th cc. Cornelian, amber, chalcedony, glass, jet, bone, gold.
 D – 0,5–1,9 см. Подвески 1,8–3 см | D – 0,5–1,9 cm. Pendants 1,8–3 cm

268. Бусы. | **268. Beads.**
 VII–VIII вв. Сердолик, халцедон, оникс. D – 0,9–1,5 см | 7th–8th cc. Cornelian, chalcedony, onyx. D – 0,9–1,5 cm

269. Бусы. | **269. Beads.**
 VII–VIII вв. Халцедон, оникс, хрусталь. D – 1,2–2,1 см | 7th–8th cc. Chalcedony, onyx, rock crystal. D – 1,2–2,1 cm

270. Бусы. | **270. Beads.**
 VII–VIII вв. Янтарь, сердолик, стекло. D – 0,6–1,3 см | 7th–8th cc. Amber, cornelian, glass. D – 0,6–1,3 cm

271. Бусы. | **271. Beads.**
 VII–VIII вв. Оникс, агат. D – 1,5–1,6 см | 7th–8th cc. Onyx, agate. D – 1,5–1,6 cm

272. Бусы. | 272. Beads.
VII–VIII вв. Стекло, агат. D – 1–1,9 см | 7th–8th cc. Glass, agate. D – 1–1,9 cm

273. Бусы. | 273. Beads.
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,6–1,3 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,6–1,3 cm

274. Бусы. | 274. Beads.
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,5–1,4 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,5–1,4 cm

275. Бусы. | 275. Beads.
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,5–0,7 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,5–0,7 cm

276. Бусы. | 276. Beads.
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,9–1,5 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,9–1,5 cm

277. Бусы. | **277. Beads.**
VII–VIII вв. Стекло. D – 1,3–1,5 см | 7th–8th cc. Glass. D – 1,3–1,5 cm

278. Бусы. | **278. Beads.**
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,7–1,2 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,7–1,2 cm

279. Бусы. | **279. Beads.**
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,8–1,2 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,8–1,2 cm

280. Бусы. | **280. Beads.**
VII–VIII вв. Стекло. D – 0,9–1,2 см | 7th–8th cc. Glass. D – 0,9–1,2 cm

281. Бусы. | 281. Beads.
VII-VIII вв. Стекло. D - 1-1,2 см | 7th-8th cc. Glass. D - 1-1,2 cm

282. Бусы. | 282. Beads.
VII-VIII вв. Стекло. D - 1-1,4 см | 7th-8th cc. Glass. D - 1-1,4 cm

283. Бусы. | 283. Beads.
VII-VIII вв. Стекло. D - 1-1,5 см | 7th-8th cc. Glass. D - 1-1,5 cm

284. Бисер. | 284. Beads.
VII-VIII вв. Стекло. D - 0,3-0,5 см | 7th-8th cc. Glass. D - 0,3-0,5 cm

285. Бусы. | 285. Beads.
VIII в. Стекло. D – 0,5 см | 8th c. Glass. D – 0,5 cm

287. Бусы. | 287. Beads.
VIII в. Стекло. D – 0,5–1,1 см | 8th c. Glass. D – 0,5–1,1 cm

286. Бусы. | 286. Beads.
IX в. Стекло. Квадратные бусины 1,5; 1,8 см | 9th c. Glass. Square beads 1,5; 1,8 cm

288. Бусы. | 288. Beads.
IX в. Стекло. Роговидные бусины 2,1 x 1,9 см | 9th c. Glass. Horn-shaped beads 2,1 x 1,9 cm

289. Солид. Анастасий (491–518).
Константинополь.
Золото. D – 1,7 см

289. Solid. Anastasius (491–518).
Constantinople.
Gold. D – 1,7 cm

292. Солид. Мауркий (582–602).
Константинополь.
Золото. D – 2,1 см

292. Solid. Mauritius (582–602).
Constantinople.
Gold. D – 2,1 cm

290. Драхма. Сасаниды. Хосров I (531–579).
Монетный двор АВ, 20 год правления (551–552).
Серебро. D – 2,7 см

290. Drachm. Sassanids. Khusraw I (531–579).
Mint AB, 20th year of reign (551–552).
Silver. D – 2,7 cm

293. Драхма. Сасаниды. Хосров II (590–628).
Монетный двор АНМ, 3 год правления (593–594).
Серебро. 3,3 x 3,2 см

293. Drachm. Sassanids. Khusraw II (590–628).
Mint ANM, 3rd year of reign (593–594).
Silver. 3,3 x 3,2 cm

291. Солид. Тиберий II (578–582).
Подражание (?). Золото. 1,9 x 1,8 см

291. Solid. Tiberius II (578–582).
Counterfeit (?). Gold. 1,9 x 1,8 cm

294. Солид. Фока (602–610).
Подражание (?). Золото. D – 2 см

294. Solid. Phocas (602–610).
Counterfeit (?). Gold. D – 2 cm

295. Бокал. | **295. Goblet.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Стекло. H - 7,6 см | Glass. H - 7,6 cm

296. Кувшин трехручный. | **296. Three-handle jug.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Керамика (лощение, орнаментация лощением, задымление). | Ceramics (glossed, ornamented by glossing, smoked).
H - 28,6 см | H - 28,6 cm

a b

297a, b. Кувшин. | **297a, b. Jug.**
VII-VIII вв. | 7th-8th cc.
Керамика (лощение, задымление). H - 14 см; | Ceramics (glossed, smoked). H - 14 cm;
b. Клеймо мастера на дне кувшина (конь с развевающейся гривой). | b. Potter's trademark on a bottom (horse with waving mane).
D - 9 см | D - 9 cm

АЛАНИЯ X–XIV вв. н. э.
ALANIA 10th–14th cc. BC.

298. Браслеты.
Стекло.
D – 5,8–7,4 см

298. Bracelets.
Glass.
D – 5,8–7,4 cm

299. Убор сабли. | **299. Sabre decoration.**
Серебро, позолота, чернь. | Silver, gilding, niello.
Наконечник ножен | Scabbard end overlay
H – 6,7 см | H – 6,7 cm

300. Накладки с подвесками-бубенчиками: украшения воинского плаща. | **300. Sewn-on cover plates with pendant-bells: the decorations of a warrior's cloak.**
Бронза, позолота, серебро. | Bronze, gilding, silver.
Накладки 2,3 x 1,8 см | Cover plates 2,3 x 1,8 cm

301. Наконечник ножен ножа (?), амулет (?). | **301. Knife scabbard's end overlay (?), amulet (?).**
Бронза, позолота, | Bronze, gilding, glass paste.
стеклянная паста. L – 4,5 см | L – 4,5 cm

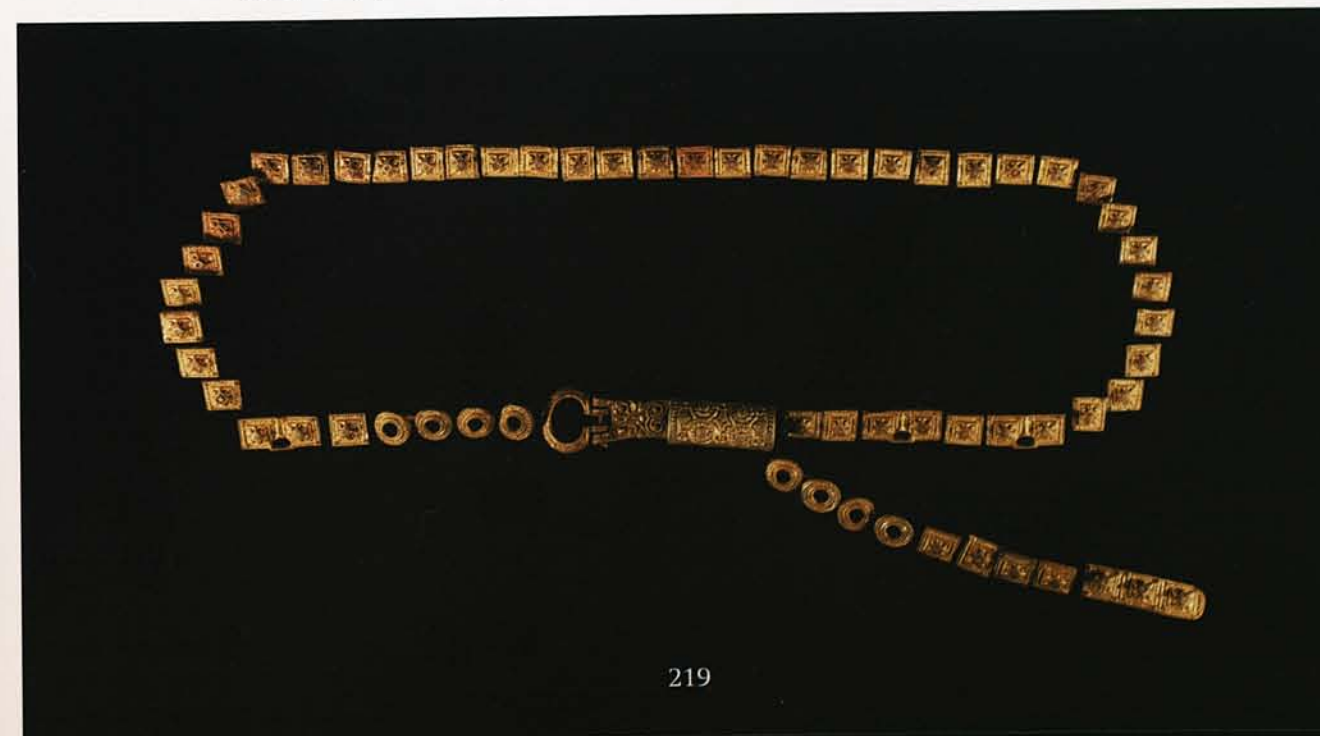

302. Детали портупейного набора. | **302. Details of a swordbelt suite.**
Бронза, серебро, позолота. | Bronze, silver, gilding.
Пряжка 4,1 x 2,4 см | Buckle 4,1 x 2,4 cm

303. Гарнитура пояса. | **303. Waist belt decoration plaques.**
Серебро, позолота, чернь. Пряжка 6,5 x 2,9 см | Silver, gilding, niello. Buckle 6,5 x 2,9 cm

304. Гарнитура пояса. | **304. Waist belt decoration plaques.**
Бронза, серебро, золочение. Пряжка 3,6 x 1,8 см | Bronze, silver, gilding. Buckle 3,6 x 1,8 cm

305. Украшения конского оголовья: начельник, бляшки, решмы. Бронза, позолота, железо. Основание начельника 10,5 x 10 см

305. Decorations of a horse belt suite: forehead decoration, bridle plaques, horse pendant-bells. Bronze, gilding, iron. Forehead decoration base 10,5 x 10 cm

306. Фрагмент луки седла с набойками. Дерево, бронза. Набойки 3,9 x 3,1 см

306. Fragment of the saddle pommel with plates. Wood, bronze. Plates 3,9 x 3,1 cm

307. Обивка луки седла. Бронза. 27 x 19 см

307. Plaque for saddle pommel. Bronze. 27 x 19 cm

308. Конский начельник и решмы. Бронза, позолота. Начельник D – 12,6 см

308. Horse forehead decoration and pendant-bells. Bronze, gilding. Forehead decoration D – 12,6 cm

309. Конский начельник и решмы. Бронза, позолота, серебро, стекло. Начельник H – 5,6 см

309. Horse forehead decoration and pendant-bells. Bronze, gilding, silver, glass. Forehead decoration H – 5,6 cm

310. Булавки с бубенчиками. | 310. Pins with bells.
Бронза, позолота. L – 5,8 см | Bronze, gilding. L – 5,8 cm

311. Застежки женской одежды: накладки и бубенчики. | 311. Clasps of woman's clothing: cover plates and bells.
Бронза, позолота. Накладки 3 x 2,9 см | Bronze, gilding. Cover plates 3 x 2,9 cm

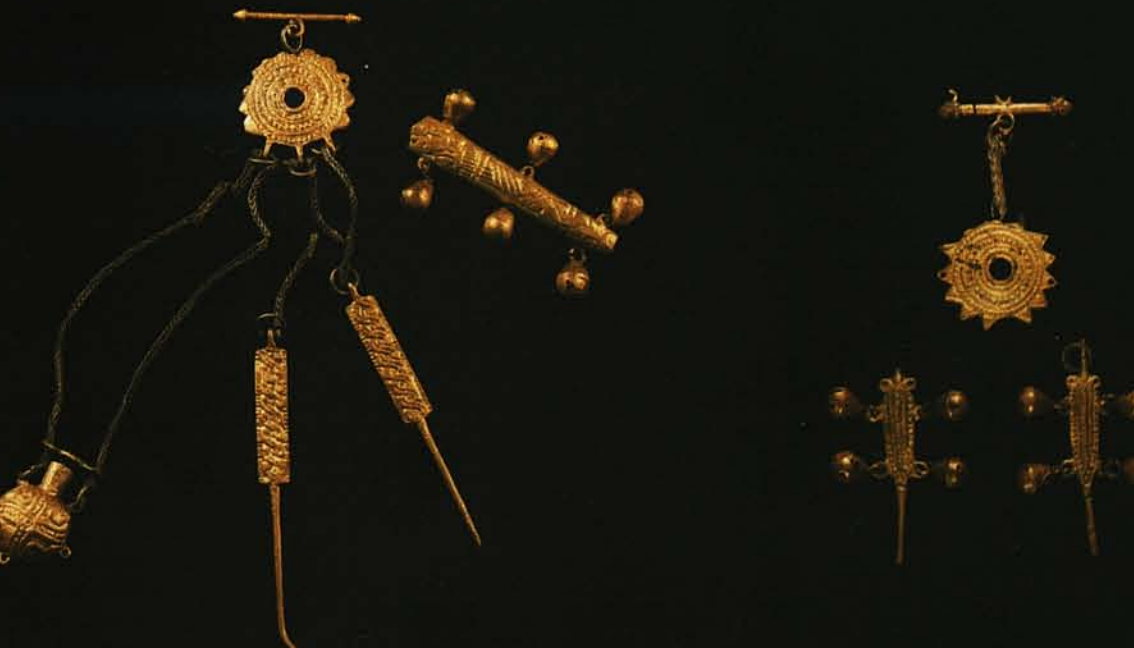
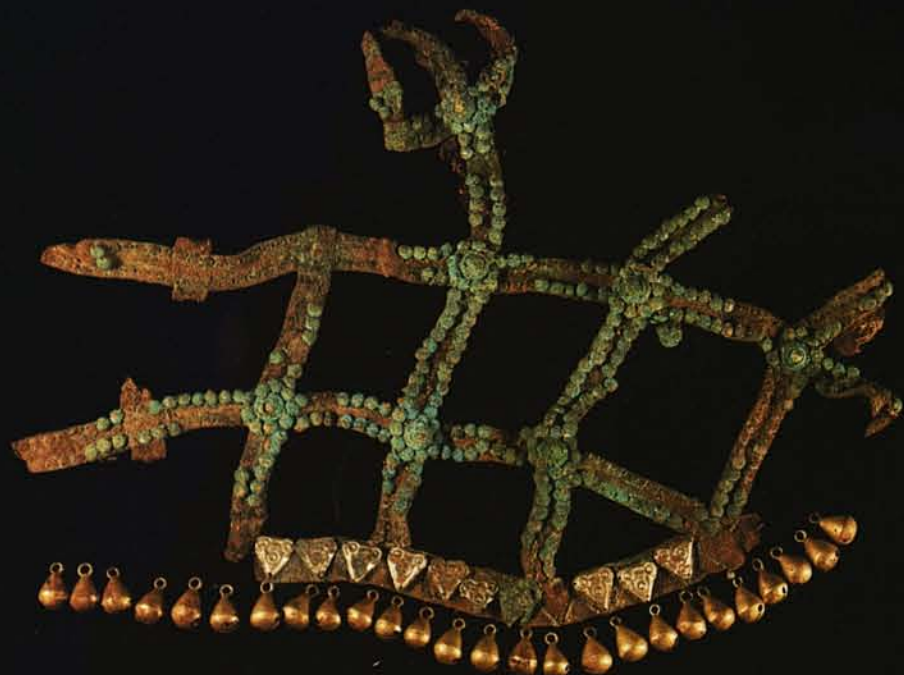
313. Накладки и бубенчики (украшения одежды подростка). | 313. Sewn-on plaques and bells (decorations of adolescent clothing).
Бронза, позолота. Накладки 1,4 x 1,2 см | Bronze, gilding. Plaques 1,4 x 1,2 cm

314. Накладки и бубенчики (украшения обуви подростка). | 314. Sewn-on plaques and bells (decorations of adolescent footwear).
Бронза, позолота. Накладки 1,4 x 1,2 см | Bronze, gilding. Plaques 1,4 x 1,2 cm

312. Фрагмент матерчатого каркаса женского головного убора с украшениями (накладки, бляшки, бубенчики).
Бронза, позолота, серебро. 21,5 x 10,3 см

312. Fragment of a cloth framework of woman's headdress with decorations (plates, sewn-on plaques, bells).
Bronze, gilding, silver. 21,5 x 10,3 cm

315. Наборы туалетные: копоушка, ногтечистка, зубчатый диск-соединитель, стержень-застежка; украшены бубенчиками; соединены шнурами из серебряных нитей в оплетке.
Бронза, позолота, серебро. Диск D – 3 см

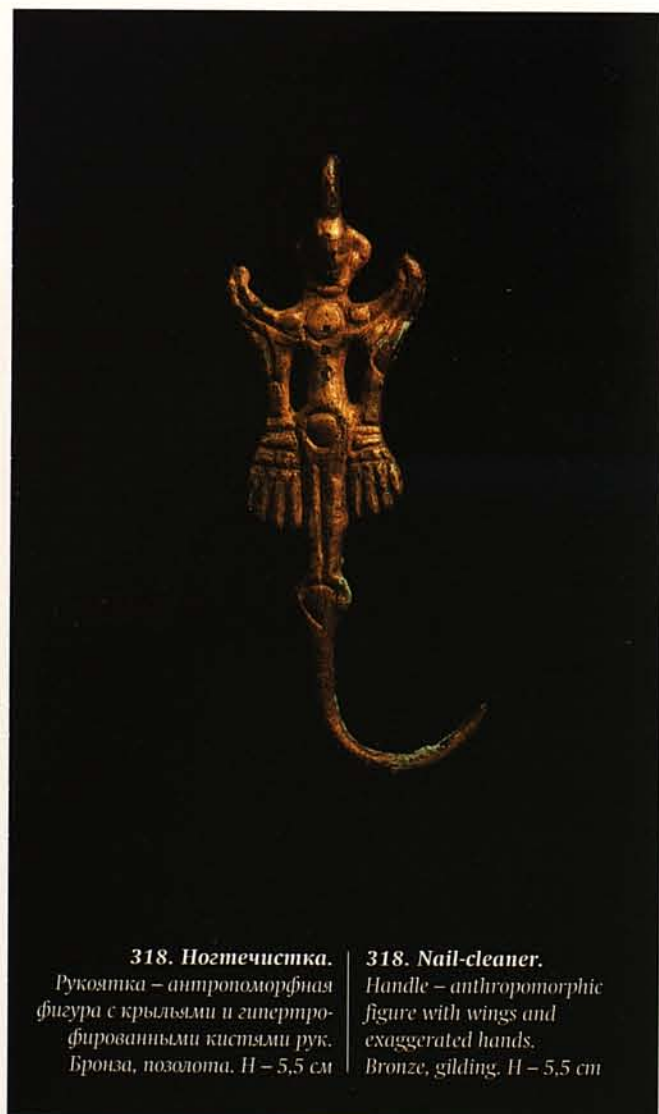
315. Toilet suites: ear-cleaning spoon, nail-cleaner, cog disc-juncture and rod-clasp; decorated with bells; linked with cords made of braided silver threads.
Bronze, gilding, silver. Disc D – 3 cm

316. Наборы туалетные: копоушки и ногтечистки. | 316. Toilet suites: ear-cleaning spoons, nail-cleaners.
 Бронза. Копоушка с птицевидной рукояткой L – 5,2 см | Bronze. Ear-cleaning spoon with bird-shaped handle L – 5,2 cm

317. Макияжный набор. | 317. Make-up suite.
 Цедилка и ложка. | Strainer and spoon.
 Бронза. L – 8,5; 9,9 см | Bronze. L – 8,5; 9,9 cm

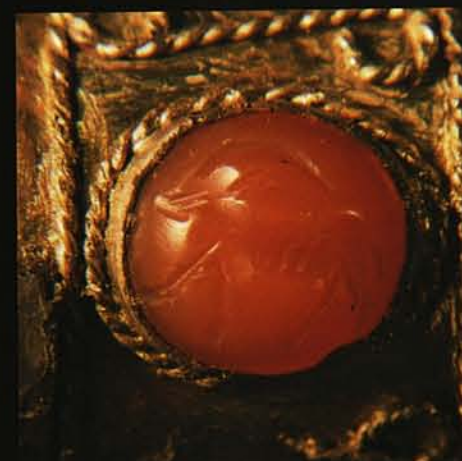

318. Ногтечистка. | 318. Nail-cleaner.
 Рукоятка – антропоморфная | Handle – anthropomorphic
 фигура с крыльями и гипертро- | figure with wings and
 фированными кистями рук. | exaggerated hands.
 Бронза, позолота. H – 5,5 см | Bronze, gilding. H – 5,5 cm

a
b c

319a, b, c. Флакон парфюмерный. | 319a, b, c. Perfume bottle.
 Бронза, позолота, паста, сердолик, гранат (?), стекло (?). | Bronze, gilding, paste, cornelian, garnet (?), glass (?).
 H – 2,8 см; D – 2,3 см; b. Печать-инталия; c. Оттиск печати | H – 2,8 cm; D – 2,3 cm; b. Entail; c. Impress

320. Перстни. | **320. Finger rings with insets.**
Бронза, позолота, серебро, | Bronze, gilding, silver,
стекло. D – 2,6; 2,1 см | glass. D – 2,6; 2,1 cm

321. Серьги с подвижными подвесками. | **321. Earrings with mobile pendants.**
Серебро, позолота, чернь. | Silver, gilding, niello.
H – 9,5 см | H – 9,5 cm

322. Амулеты солярные. | **322. Solar amulets.**
Бронза. D – 3,8–4 см | Bronze. D – 3,8–4 cm

323. Бусы глазчатые. | **323. Beads with eyelike saliences.**
Стеклопастная. D – 1,1 см | Glass paste. D – 1,1 cm

324. Нашивные бляшки. | **324. Sewn-on plates.**
Бронза, позолота, стеклопастная. 1,9 x 1,9 x 1,7 см | Bronze, gilding, glass paste. 1,9 x 1,9 x 1,7 cm

325. Зеркала. | **325. Mirrors.**
Бронза. D – 7; 6,9; 8,3; 8,1; 11 см | Bronze. D – 7; 6,9; 8,3; 8,1; 11 cm

326. Лампада. | 326. Icon-lamp.
Стекло, H – 10,4 см | Glass, H – 10,4 cm

327. Крестики нательные. | 327. Body crosses.
Бронза. | Bronze.
2,8 x 2,1 см; 3 x 2,2 см | 2,8 x 2,1 cm; 3 x 2,2 cm

328. Крест резной каменный. | 328. Carved stone cross.
68 x 48 см | 68 x 48 cm

329. Кубок с напедами на бортиках. | 329. Cup with stucco moldings on the broadsides.
Стекло, H – 8 см | Glass, H – 8 cm

330. Кубок с напедами на бортиках. | 330. Cup with stucco moldings on the broadsides.
Стекло, H – 10,2 см | Glass, H – 10,2 cm

331. Рюмка. | 331. Wineglass.
Стекло. Н – 9,5 см | Glass. H – 9,5 cm

332. Кубок. | 332. Cup.
Стекло. Н – 12,8 см | Glass. H – 12,8 cm

333. Кружка. | 333. Mug.
Стекло. Н – 10,9 см | Glass. H – 10,9 cm

334. Кубок. | 334. Cup.
Стекло. Н – 10 см | Glass. H – 10 cm

335. Кубок. | 335. Cup.
Стекло. Н – 9,5 см | Glass. H – 9,5 cm

a b

336a, b, c. Кувшины-триподы в виде птиц.
Керамика (лощение, задымление).
a. H – 20,5 см;
b. H – 26,4 см;
c. H – 20,4 см

336a, b, c. Bird-shaped three-legged jugs.
Ceramics (glossed, smoked).
a. H – 20,5 cm;
b. H – 26,4 cm;
c. H – 20,4 cm

337. Кувшин.
Керамика (лощение, задымление).
H – 28,6 см

337. Jug.
Ceramics (glossed, smoked).
H – 28,6 cm

338. Кувшин.
Керамика (лощение, задымление).
H – 18,3 см

338. Jug.
Ceramics (glossed, smoked).
H – 18,3 cm

339. Тонкостенный кувшин.
Керамика. H – 8,7 см

339. Thin-walled jug.
Ceramics. H – 8,7 cm

340. Кувшин.
Керамика. H – 18,7 см

340. Jug.
Ceramics. H – 18,7 cm

c

341. Чаша. | **341. Bowl.**
Керамика. Н – 8,5 см | Ceramics. H – 8,5 cm

342. Кувшин. | **342. Jug.**
Керамика (лощение, задымление).
Н – 14 см | Ceramics (glossed, smoked).
H – 14 cm

343. Кувшин. | **343. Jug.**
Керамика. Н – 16 см | Ceramics. H – 16 cm

344. Кувшин. | **344. Jug.**
Золотоордынское время.
Керамика. Н – 10,8 см | The Golden Horde epoch.
Ceramics. H – 10,8 cm

345a – d. Глазуванная столовая посуда. | **345a – d. Glaze table dishes.**
Золотоордынское время. Керамика, глазурь.
Н – 20 см; | The Golden Horde epoch. Ceramics, glaze.
H – 20 cm;
b. Кувшин. Н – 20 см; | **b. Jug.** H – 20 cm;
d. Чаша. D – 22,2 см | **d. Bowl.** D – 22,2 cm

a b

c d

a b

346a, b. Светильник с клеймом мастера на дне.
Керамика (лощение, задымление). H – 7,4 см;
b. Клеймо мастера на дне D – 7,5 см

346a, b. Lamp with potter's trademark on the bottom.
Ceramics (glossed, smoked). H – 7,4 cm;
b. Potter's trademark on the bottom D – 7,5 cm

a b

347a, b. Кружка с клеймом мастера на дне.
Керамика (лощение, задымление). H – 13,8 см;
b. Клеймо мастера на дне D – 8 см

347a, b. Mug with potter's trademark on the bottom.
Ceramics (glossed, smoked). H – 13,8 cm;
b. Potter's trademark on the bottom D – 8 cm

a b

348a, b. Кружка с клеймом мастера на дне.
Керамика (лощение, задымление). H – 13,6 см;
b. Клеймо мастера на дне D – 8,5 см

348a, b. Mug with potter's trademark on the bottom.
Ceramics (glossed, smoked). H – 13,6 cm;
b. Potter's trademark on the bottom D – 8,5 cm

349a – e. Гончарные клейма на дне сосудов.
a. D – 10 см; b. D – 8,4 см; c. D – 7 см;
d. D – 6 см; e. D – 9 см

349a – e. Potter's trademarks on the vessels' bottom.
a. D – 10 cm; b. D – 8,4 cm; c. D – 7 cm;
d. D – 6 cm; e. D – 9 cm

a b
c d
e

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В АЛЬБОМЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Группа курганов «Урух» у с. Чикола
(Ирафский район РСО-А)
Раскопки: 1978 г. В. А. Сафронов, Н. А. Николаева.
Илл.: 1; 13; 14–20а.
- Могильник эпохи бронзы «Загли Барзонд»
(с. Верхний Кобан, Пригородный район РСО-А)
Раскопки: 1978, 1983 гг. В. Л. Ростунов.
1978 г. Илл.: 4а;
1983 г. Илл.: 2а.
- Курган у г. Темрюк
(Темрюкский район Краснодарского края)
Раскопки: 1978 г. В. А. Сафронов.
Илл.: 2б, с.
- Группа курганов у с. Дзуарикау
(Алагирский район РСО-А)
Раскопки: 1976 г. В. А. Сафронов.
Илл.: 3.
- Группа курганов у ст. Терской
(Моздокский район РСО-А)
Раскопки: 1980 г. В. А. Сафронов.
Илл.: 4б; 28; 85; 98; 99; 177.
- Случайные находки (Ирафский, Моздокский, Пригородный и Дигорский районы РСО-А)
с. Средний Урух. Илл.: 5; 73; 75; 89б;
ст. Черноморская. Илл.: 10;
с. Джизи. Илл.: 76; 84; 86;
ст. Николаевская. Илл.: 81.
- Массив курганов, исследованных при строительстве
Краснодарской оросительной системы
(Краснодарский край)
Раскопки: 1980 г. В. А. Сафронов, Г. А. Николаев;
1981 г. В. А. Сафронов.
1980 г. Илл.: 6а, б; 30; 33;
1981 г. Илл.: 25; 32.
- Курган у с. Уляп
(Красногвардейский район Республики Адыгея)
Раскопки: 1976 г. В. А. Сафронов.
Илл.: 7.

- Массив курганов, исследованных при строительстве
Понуро-Калининской оросительной системы
(Краснодарский край)
Раскопки: 1979, 1980 гг. В. А. Сафронов, Н. А. Николаева,
И. И. Марченко, Н. И. Гиджрати.
1979 г. Илл.: 8а, б; 90; 92; 93–97; 175;
1980 г. Илл.: 10; 12а, б; 102–105; 133; 159.
- Группа курганов у с. Ногир
(Пригородный район РСО-А)
Раскопки: 1977 г. В. А. Сафронов.
Илл.: 11а, б; 20б.
- Группа курганов у ст. Архонской
(Пригородный район РСО-А)
Раскопки: 1989 г. В. Л. Ростунов.
Илл.: 21.
- Курган эпохи средней бронзы у с. Карджин
(Кировский район РСО-А)
Раскопки: 2003 г. С. Б. Дзуцев.
Илл.: 22–24; 26; 27; 34; 35.
- Группа курганов у с. Комарово
(Моздокский район РСО-А)
Раскопки: 1983 г. Н. И. Гиджрати, А. О. Наглер.
Илл.: 29; 31; 88; 106; 108–132; 134; 135; 138; 139.
- Эльхотовский могильник кобанской культуры
(с. Эльхотово, Кировский район РСО-А)
Раскопки: 1996–2005 гг. Х. Т. Чиев.
Илл.: 36; 59–62; 65–72; 74; 79; 80.
- Адайдонский могильник кобанской культуры
(с. Нижний Зарамаг, Алагирский район РСО-А)
Раскопки: 2006–2009 гг. Х. Т. Чиев.
Илл.: 37–52; 57; 58; 63; 64; 77; 78; 82; 83; 87.
- Цамадский могильник кобанской культуры
(с. Цамад, Алагирский район РСО-А)
Раскопки: 2005 г. Э. Ю. Шестопалова, Х. Т. Чиев.
Илл.: 53–56.

- Группа курганов у ст. Павлодольской
(Моздокский район РСО-А)
Раскопки: 1984 г. В. Л. Ростунов.
Илл.: 89а; 91; 101; 107.
- Бесланский курганный катакомбный могильник
I–V вв. (г. Беслан, Правобережный район РСО-А).
Раскопки: 1988, 1989 гг., 1991–2007 гг., 2009 г. Ф. С. Дзуцев;
1990 г. В. Л. Ростунов; 2008 г. С. Б. Дзуцев.
1988 г. Илл.: 143; 146;
1989 г. Илл.: 169; 171; 174;
1990 г. Илл.: 160;
1992 г. Илл.: 157а; 188; 195;
1996 г. Илл.: 167б;
1997 г. Илл.: 144; 145; 147–156; 173; 176с; 181; 182; 190;
1998 г. Илл.: 179;
1999 г. Илл.: 192;
2000 г. Илл.: 141; 142; 157б, 158; 166; 178а – d; 180; 183;
2001 г. Илл.: 186; 193;
2002 г. Илл.: 167а, с; 168; 176а, б; 184; 185; 187; 189; 190; 219;
222;
2003 г. Илл.: 170; 178е;
2006 г. Илл.: 140; 160; 172; 194;
2008 г. Илл.: 191;
2009 г. Илл.: 162.
- Садонский катакомбный могильник
(с. Верхний Садон, Алагирский район РСО-А)
Раскопки: 1978 г. Т. Б. Тургиев;
1999–2002 гг., 2006, 2007 гг. З. П. Кадзаева.
1978 г. Илл.: 293;
1999 г. Илл.: 220; 235; 237; 242; 244б; 245; 248; 249; 251; 252;
254; 258; 259; 291;
2000 г. Илл.: 248; 254;
2001 г. Илл.: 207; 209; 223б; 226; 227; 240; 254; 294;
2002 г. Илл.: 196; 236; 254; 255;
2006 г. Илл.: 231; 248; 254;
2007 г. Илл.: 254; 255–257;
2009 г. Илл.: 200; 254; 255.
- Дагомский катакомбный могильник VI–VIII вв.
(с. Дагом, Алагирский район РСО-А)
Раскопки: 2003–2005 гг., 2007 г. Э. Ю. Шестопалова.
2003 г. Илл.: 197; 202–206; 210; 211; 216; 241; 250; 253; 276; 289;
290; 292; 295;
2004 г. Илл.: 262; 263;
2005 г. Илл.: 198; 199; 253; 260; 261; 267; 275;
2007 г. Илл.: 233; 243; 244а; 265; 266.

- Архонский катакомбный могильник VI–VIII вв.
(с. Архон, Алагирский район РСО-А)
Раскопки: 1996–2000 гг., 2002 г. Э. Ю. Шестопалова.
1996 г. Илл.: 230;
1997 г. Илл.: 212–215; 224; 232; 271; 279; 280; 284; 296;
1998 г. Илл.: 201; 223а, с; 225; 228; 238; 268;
1999 г. Илл.: 269; 272–274; 278; 283;
2000 г. Илл.: 221;
2002 г. Илл.: 208; 234; 239; 264; 270; 277; 281; 282.
- Галиатский катакомбный могильник VI–VIII вв.
(с. Галиат, Ирафский район РСО-А)
Раскопки: 1998 г. М. Э. Мамиев.
Илл.: 217; 218.
- Хазнидонский катакомбный могильник
(с. Хазнидон, Ирафский район РСО-А)
Раскопки: 1978 г. Н. И. Гиджрати.
Илл.: 229; 285; 287; 297.
- Октябрьский (Тарский) катакомбный могильник
(с. Октябрьское, Пригородный район РСО-А)
Раскопки: 1977 г. Н. И. Гиджрати.
Илл.: 246; 286; 288.
- Змейский катакомбный могильник X–XIV вв.
(ст. Змейская, Кировский район РСО-А)
Раскопки: 1981 г. Н. И. Гиджрати; 1982, 1990, 1992–1998 гг.
Р. Ф. Фидаров; 1983 г. В. Л. Ростунов; 1991 г. Э. Ю. Шестопалова.
1981 г. Илл.: 301; 316–318; 325; 326; 336а; 339; 347; 349б, d;
1982 г. Илл.: 307; 316; 325; 326; 331; 336с;
1983 г. Илл.: 305; 322; 327; 340; 345а, б; 349а, с, е;
1990 г. Илл.: 342;
1991 г. Илл.: 338;
1993 г. Илл.: 344;
1994 г. Илл.: 316; 332; 334; 335; 346;
1996 г. Илл.: 312; 315; 325; 333;
1997 г. Илл.: 298–300; 303; 306; 308–311; 313; 314; 319–325;
337; 345с, d;
1998 г. Илл.: 302; 304; 328–330; 336б; 341; 343.
- Определения монет:
В. В. Гурулѣва, В. С. Кулешиов
- Консультанты:
С. Н. Кореневский, Ю. Ю. Пиотровский (раздел «Культуры эпохи
бронзы»)
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (разделы «Скифы и сарматы» и
«Аланы I–V веков»)

СОКРОВИЩА АЛАНИИ
THE TREASURE OF ALANIA

Фотографии, дизайн, верстка,
художественное и техническое
редактирование
М. Н. Гиджрати,
Л. Е. Гиджрати

Фотографии к обзорной статье
«История древней и средневековой
Алании-Осетии в памятниках археологии»
А. М. Вьюхин

Перевод текстов статей, редактирование
перевода аннотаций
Т. К. Салбиев

Корректор
И. Н. Кантемирова

Ответственный редактор
М. О. Терёшина

ООО «Издательство «ЭКСМО»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 11.08.2011. Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 3000 экз. Заказ 7897.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Institute of History and Archeology Republic of North Ossetia-Alania

ISBN 978-5-699-51796-1

9 785699 517961 >